

Ночная Ярмарка Чудес

ЛЕЯ МИРСКАЯ

Лея Мирская

Ночная ярмарка чудес

«Автор»

2026

Мирская Л.

Ночная ярмарка чудес / Л. Мирская — «Автор», 2026

Раз в семь лет на пограничном лугу открывается ярмарка Корень. Здесь можно купить исцеление, удачу или спасение дома, но каждое чудо оплачивается полным годом человеческой памяти. Если владелец не согласен, торговцы умеют дотянуться до него через старую игрушку, ленту или другую вещь-свидетель. Травница Ярина Вель хочет сохранить дом и лечебный сад на спорной земле. Её двоюродный брат Радомир готов продать свою долю ради больной дочери, а ярмарка уже принимает чужие годы как удобную плату. Чтобы остановить кражу памяти, Ярине придётся отказаться от лёгкого чуда, вернуть людям их прожитое и доказать: добровольная жертва не всегда означает честную сделку. Фэнтези о семейном долге, цене спасения и праве человека самому решать, чем платить за невозможное.

© Мирская Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Семилетний колокол	6
Глава 2. Родич с готовой ценой	13
Глава 3. Год в стеклянной банке	20
Глава 4. Трава, забывшая имя	28
Глава 5. Дом на двух межах	39
Глава 6. Вещь-свидетель	44
Глава 7. Чудо для Сони	55
Глава 8. Торговцы без прошлого	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Лея Мирская

Ночная ярмарка чудес

От автора

Мы часто говорим, что готовы отдать годы ради близкого человека. Обычно это образ: бессонные ночи, труд, ожидание, отказ от удобства. В мире этой книги ярмарка понимает такие слова буквально. Она умеет вынуть из человека прожитый год — вместе с лицами, обещаниями, навыками и теми маленькими решениями, из которых складывается личность, — а взамен совершить чудо.

Но точная цена ещё не делает сделку справедливой. Важно не только сколько отдано, но и кто согласился платить. Можно ли спасти одного человека памятью другого? Остаётся ли обещание настоящим, если тот, кто его дал, больше о нём не помнит? И что принадлежит семье: земля, общий труд или рассказ о прошлом, который каждый помнит по-своему?

«Ночная ярмарка чудес» — история травницы, которая привыкла лечить медленно: собирать листья в нужный час, ждать действия настоя, признавать пределы ремесла. За одну ночь ей придётся спорить с торговлей, где результат дают немедленно, а последствия прячут в чужой голове.

Эту книгу лучше читать не как спор с мечтой о чуде, а как разговор о цене. Некоторые вещи мы вправе отдать. Некоторые — только сохранить для другого. А иногда самый трудный выбор состоит в том, чтобы не купить спасение сейчас и остаться рядом на долгом пути.

Глава 1. Семилетний колокол

Колокол ударил, когда Ярина держала нож над самым корнем сон-травы.

Звук пришёл не со стороны часовни, а снизу, из земли. Сперва дрогнула вода в глиняной чашке, поставленной между грядками. Потом по воде побежали тесные круги, будто в глубине чашки шевельнулась рыбка. Лишь тогда над Меженью прокатился низкий медный гул.

Ярина замерла на корточках. Белёсый корень под пальцами был тонок, как жила на запястье. Ещё одно движение ножом — и растение не переживёт пересадки. Она дождалась, пока гул уйдёт за дальние холмы, подхватила корень вместе с комом земли и перенесла его в приготовленную лунку.

— Слышала, старая? — спросила она у травы. — А тебе всё равно. Вот и правильно.

Сон-трава легла на новое место, у северной стены, где солнце появлялось только после полудня. Ярина прижала вокруг неё землю, полила из чашки и лишь затем вытерла ладони о передник.

Семь лет назад подземный колокол прозвучал трижды. Первый удар предупредил жителей Межени, второй открыл дорогу торговцам, третий поднял над лугом палатки. В этот раз до заката оставалось ещё полдня, а значит, ярмарка подавала знак раньше обычного.

За оградой закричали гуси. С дороги донёсся топот, и в калитку застучали не кулаком, а палкой — быстро, сердито, без передышки.

— Ярина! Ты в саду? Ярина, отзовись!

Она узнала Неда, свою самую нетерпеливую пациентку. Та могла четверть часа колотить в открытую дверь, если ей казалось, что лекарь недостаточно быстро замечает больного.

Ярина прикрыла новую посадку плетёной корзиной от кур, собрала нож, совок и остатки земли в деревянный ящик. Второй удар застал её у калитки. В этот раз зазвенели пустые бутылки на полке в сушильне, а с крыши посыпалась прошлогодняя солома.

Неда стояла на дороге в шерстяной шали, хотя день обещал тепло. В одной руке она держала клюку, другой прижимала к груди маленький полотняный мешок.

— Не оглохла? — спросила старуха.

— Пока нет.

— Тогда чего не бежишь?

— А куда?

Неда посмотрела на неё с жалостью, как на человека, который забыл собственное имя.

— На выгон. Все туда бегут. Земля у старой межи светится.

— Если все бегут, кому-то полезно остаться и не попасть под ноги.

— Ты всегда такая рассудительная, когда страшно?

— Особенно когда страшно.

Ярина отперла калитку. Неда прошла во двор, но остановилась сразу за порогом и сунула ей мешок. Внутри звякнуло стекло.

— Что это?

— Моя плата. Вересковый мёд и две баночки.

— За что?

— За капли. Сердце опять скачет. Всю ночь будто воробей под рёбрами бился.

Ярина провела старуху в дом и усадила у стола. В комнате пахло сушёной мятой, печной золой и свежей землёй, которую хозяйка вечно приносила на подоле. На стене висели связки трав, каждая с деревянной биркой. Перед тем как достать лекарства, Ярина положила пальцы Неде на запястье.

Пульс был частым, но ровным. Под глазами у старухи темнели тени, губы пересохли.

— Что пила утром?

— Воду.

— Кроме воды.

Неда отвела глаза к окну.

— Полчашки настоя.

— Какого?

— Того, что ты оставляла зимой.

— Я оставляла три. Какого цвета была метка?

— Коричневая.

Ярина вздохнула. Коричневой нитью она помечала крепкий настой пустырника, который следовало принимать по ложке, а не по полчашки.

— Сердце у тебя скачет не от недостатка капель, а от лишних капель. Сегодня больше ничего не пей. Воды, жидкой каши и покоя тебе хватит.

— Покоя? Когда Корень приходит?

— Именно поэтому.

Неда потёрла большой палец о край стола. На суставе осталась тёмная полоска от ореховой скорлупы. Старуха каждую осень красила ею пряжу, и краска въедалась в кожу до весны.

— Семь лет назад я не пошла, — сказала она. — Мирон ещё был жив. Не пустил. Сказал, что чудо, которое выкрикивают с прилавка, дома не приживётся. А теперь кому меня не пускать?

— Я могу.

— Ты мне не муж.

— Потому и не стану заирать. Только объясню цену.

— Все знают цену. Год за чудо.

— Какой год?

Неда пожала плечами.

— Обычный.

— У тебя обычных нет. В один год родилась дочь. В другой умерла мать. В третий вы с Миром поставили новый дом после пожара. Выбери любой и представь, что утром останутся стены, дочь, могила, ожог на ладони, а почему они появились, ты не вспомнишь.

Старуха нахмурилась. Ярина видела, как та ищет возражение и не находит. С ярмарочными чудесами было трудно спорить до тех пор, пока цена называлась одним коротким словом. Год. Не триста шестьдесят пять утр, не прожитые ссоры и примирения, не умение прясть тонкую нить, усвоенное за зиму. Просто год, круг на календарной дощечке.

— А если взять самый плохой? — спросила Неда. — Тот, когда Мирон болел перед смертью.

— Ты забудешь, как за ним ухаживала. Какие слова он сказал. Почему после его смерти переставила кровать к другой стене. Может быть, забудешь, что простила ему давнюю обиду. Плохой год тоже твой.

— Тебе легко говорить. Молодая.

— Мне тридцать четыре.

— Для моих коленей — младенец.

Неда поднялась, опираясь на стол обеими ладонями. Дышала она уже спокойнее. Мешок с мёдом остался на лавке.

— Возьми плату обратно, — сказала Ярина.

— За осмотр положено.

— Тогда баночки оставь, мёд заberi. И до вечера из дома не выходи.

— Я подумаю.

— Это не обещание.

— А я нынче обещаниями не торгую.

Старуха подмигнула, но улыбка вышла неровной. У калитки она остановилась и оглянулась на усадьбу. Дом был старый, приземистый, с потемневшими брёвнами и двумя разными половинами крыши. Восточную перекрывал ещё Яринин отец, западную — дядя Велемир, отец Радомира. Когда братья делили наследство, они провели черту по бумаге, но не смогли провести её через общую печь, колодец и сад. С тех пор спор переходил детям вместе с землёй.

— Ты метку видела? — спросила Неда.

— Какую?

Старуха указала клюкой на наружный столб калитки.

Под железной скобой виднелась свежая зарубка. Ярина подошла ближе. В дерево был вдавлен круг с тремя корнями, расходившимися вниз. Рисунок казался выжженным, однако вокруг него не было копоти. Из борозд пахло мокрой медью.

— Утром этого не было, — сказала Ярина.

— Вот и я о том. На мельнице такая же. И на старом амбаре Береста.

— Почему ты решила, что это метка?

— Потому что я ещё помню прошлую ярмарку.

Ярина коснулась круга ногтем. Дерево под ним было холодным, хотя на столб падало солнце.

— Тогда расскажи.

Неда перестала улыбаться.

— Так помечают то, что можно купить до рассвета.

На дороге показались дети, бежавшие к выгону. Один размахивал веткой с привязанной синей тряпичей, другой тащил на верёвке деревянную лошадку. Увидев знак, Ярина шагнула к ним.

— Стойте. Лошадку домой отнесите.

— Она сломанная, — возразил мальчик.

— Тем более.

— Мы хотим выменять ей новую ногу.

— Ничего сегодня не меняйте и чужим не давайте. Ни игрушек, ни лент, ни пуговиц. Бегите без вещей.

Дети переглянулись. Старший прижал лошадку к груди и попятился. Неда тихо хмыкнула.

— Напугала.

— Лучше сейчас.

— В прошлый раз торговцы были ласковые.

— Ласковость — не расписка.

Ярина сняла с гвоздя у калитки серп и попробовала соскоблить знак. Лезвие прошло по древесине, сняло длинную светлую стружку, но круг остался на ней, как будто уходил вглубь всего столба. Она срезала второй слой. Три корня проступили снова.

Третий удар колокола пришёл без предупреждения.

Калитка качнулась. Из колодца выплеснулась вода. По саду прокатилась волна, и растения одно за другим повернули листья к западной меже, хотя солнце стояло на юге. За домом что-то тяжело вздохнуло.

Неда перекрестилась.

— Открылась.

Над выгоном поднимались огни. Днём они казались бледными, почти прозрачными: янтарные шары, синие полосы, зелёные искры. Между ними росли островерхие крыши. Ещё мгновение назад на лугу паслись коровы, теперь там стояли ряды палаток, высокие шесты с лентами и ворота из переплетённых корней.

Дорога к ярмарке легла прямо через спорную полосу сада.

Там, где утром тянулась грядка зверобоя, земля стала гладкой и твёрдой. Каменные плиты проступали из почвы одна за другой, выталкивая кустики наружу. Ярина бросилась к ним, опустилась на колени и стала выдёргивать растения прежде, чем края плит перережут корни.

— Неда, корзину!

Старуха, забыв о сердце, схватила плетёнку и заковыляла следом. Вместе они успели спасти шесть кустиков. Седьмой оказался зажат между плитами. Ярина поддела камень совком, но тот не сдвинулся. По гладкой поверхности уже бежали золотые буквы.

ДОРОГА ОТКРЫТА ДЛЯ ПОКУПАТЕЛЕЙ И ТОВАРА.

Последнее слово зажглось под её ладонью. Ярина отёрнула руку. На коже остался отпечаток, похожий на тонкую коричневую нить.

— Не трогай, — сказала Неда.

— Поздно.

Ярина вырезала зажатый корень вместе с землёй. Растение вряд ли выживет, но оставить его под ярмарочной дорогой означало потерять наверняка. Она уложила зверобой в корзину и поднялась.

Из-за дома вышел человек в сером дорожном плаще. Он шёл со стороны западных ворот, значит, вошёл через половину двора, которой пользовался Радомир. На плече у незнакомца лежал свёрнутый ковёр, за поясом торчала костяная мерная палочка.

— Хозяйка? — спросил он.

— Одна из двух.

— Для сделки достаточно одной.

— Для какой сделки?

Он улыбнулся, словно вопрос был частью обряда, который ему нравилось повторять.

— Метка выставления уже принята. До рассвета дом с садом может сменить владельца целиком или долями. Осмотр не причинит ущерба, если имущество соответствует заявленному.

— Я ничего не заявляла.

— Заявил второй владелец.

Ярина почувствовала, как пальцы сами сжались вокруг садового ножа. Незнакомец заметил движение, но не отступил.

— Имя второго владельца.

— Продавец назовётся у прилавка.

— Тогда осмотра не будет.

— Будет. Дорога открыта.

Он указал на плиты. За его спиной золотые слова погасли, но камни остались. С ярмарки потянуло дымом, печёными яблоками и чем-то резким, больничным, как от толчёного можжевельника. Над воротами один за другим загорались фонари.

Ярина шагнула на середину дороги.

— В сад вы не войдёте.

— До рассвета вся отмеченная земля считается торговым местом.

— А до заката она мой сад.

Незнакомец вынул костяную палочку и развернул ковёр. На изнанке была начерчена карта усадьбы: дом, колодец, сушильня, грядки, обе старые груши. Красная линия делила владение почти пополам и проходила через печь. Западная часть была обведена золотом.

— Выставлена доля от межи до дороги, — сообщил он. — Вместе с правом прохода к колодцу и долей урожая лекарственных растений за текущий год.

— Урожай не принадлежит земле. Его посадила я.

— Это можно заявить при торге.

— Торга не будет.

— Отказ продавца снимает метку. Отказ совладельца повышает цену.

— Чем?

— Спором.

Он произнёс это буднично. Ярина ждала пояснения, но незнакомец уже приложил палочку к краю карты. По красной линии пробежало тусклое свечение.

— Ваш спор длится двадцать один год, — сказал он. — Три ярмарочных круга. Такой срок делает землю привлекательной. Она хорошо держит несовпадающие воспоминания.

— Земля ничего не помнит.

— Тогда почему вы оба уверены, что она ваша?

Неда издала сердитый звук и выставила клюку.

— Убирайся, мерщик. От неё больным польза, а от твоей палатки только похмелье да пустые головы.

— Вам что-нибудь требуется, госпожа?

Незнакомец повернулся к старухе так быстро, что та не успела отвести взгляд. Золотая линия на карте дрогнула. На конце костяной палочки вспыхнула голубая искра.

— Новое сердце? — продолжил он мягко. — Молодые колени? Возвращение одного умершего голоса на семь лет? За раннее обращение действуют лучшие условия.

Неда побелела. Её пальцы разжались, и мешок с мёдом упал в пыль.

Ярина встала между ней и мерщиком.

— Она ничего не просила.

— Я лишь перечислил товар.

— Вон.

— До встречи на торге.

Он свернул карту вместе с ковром. Прежде чем уйти, коснулся костяной палочкой метки на столбе. Круг с тремя корнями налился золотом, а в его середине появилась тонкая черта, делившая знак пополам.

Ярина схватила стоявшее у стены ведро и выплеснула воду на столб. Золото погасло, но черта осталась.

Мерщик пошёл по каменной дороге к ярмарке. Ни один спасённый кустик под его сапогами не хрустнул: он ступал мимо них с точностью человека, который привык оценивать чужое имущество и не портить его до покупки.

Неда с трудом наклонилась за мешком.

— Миронов голос, — прошептала она.

— Он угадал, чего ты хочешь.

— Я никому не говорила.

— Такие торговцы смотрят не в мысли. В привычки. Ты всё ещё носишь его ножницы на поясе.

Неда прикрыла ладонью маленькие железные ножницы, висевшие возле кармана.

— Они мои.

— Теперь убери их подальше. Лучше в печь.

— Не отдам.

— Тогда заверни в соль и не бери на ярмарку.

Старуха кивнула. На этот раз без спора.

Ярина проводила её до дороги и заперла калитку, хотя понимала, что деревянный засов не остановит путь, поднятый из земли. Потом обошла усадьбу. На западной половине двора ворота стояли распахнутыми. Радомиров дом находился в трёх вёрстах, у речного брода, но права на старую усадьбу он не отдавал. Иногда приезжал чинить крышу над своей комнатой,

иногда забирал груши, иногда месяцами не показывался. Сегодня на влажной земле отпечатались следы телеги.

Ярина нашла их у амбара. Два колеса, копыта одной лошади, сапоги троих людей. Из западной комнаты исчез сундук дяди Велемира, а со стены — деревянная мерка, которой братья когда-то делили зерно. Радомир забрал семейные вещи. Или отдал их ярмарке.

На столе лежала щепка с вырезанными словами.

«Ярина, не ломай то, что может спасти Соню. Приду до заката. Р.»

Она прочла дважды. Соня болела с конца зимы. Ярина видела её неделю назад: высокая девушка сидела у открытого окна, укутанная двумя одеялами, и задыхалась после каждого десятого слова. Отвар облегчал дыхание, но ненадолго. Чтобы лечение помогло, требовались редкая болотная смола, тёплое лето и несколько месяцев покоя. Радомир хотел ответа сейчас. Ярмарка обещала дать его за одну ночь.

Ярина положила щепку на стол, придавила камнем и вернулась в сад.

Деревня уже стекалась к выгону. Люди шли семьями, несли корзины и узлы, вели коз, катили бочки. Кто-то надел праздничную рубаху, кто-то спрятал лицо под капюшоном. От часовни явился Берест с книгой деревенских записей под мышкой. Он не посмотрел в сторону Ярины, хотя каменная дорога рассекала её грядки у него на глазах.

За ярмарочными воротами звонили маленькие колокольчики. В проходе возникла женщина в длинном зелёном платье. Её волосы были белыми, лицо — молодым, а на шее висело семь пустых стеклянных пузырьков. Она подняла руку, и шум на лугу стих.

— Жители Межени и гости пограничья, — произнесла женщина. Голос её был негромким, но долетел до каждого двора. — Корень поднялся. Торг начнётся с закатом и завершится первым лучом. Всякое чудо имеет цену. Всякая названная цена будет взыскана. Проверяйте товар до покупки, память — до передачи, желание — до произнесения.

Люди слушали, затаив дыхание.

— Долги прошлой ярмарки принимаются у северного прилавка, — продолжила распорядительница. — Споры о собственности — у весов. Возврат совершённого чуда невозможен.

На последних словах один из пустых пузырьков у неё на шее наполнился золотистым дымом. Женщина опустила взгляд, словно удивилась, и на мгновение потеряла нить речи.

— Торг... — повторила она. — Торг начнётся с закатом.

Ярина заметила паузу. Заметила и то, как распорядительница коснулась пузырька, будто не помнила, откуда он взялся.

Рядом зашуршала трава. По каменным плитам к дому шёл Радомир. Он осунулся с их последней встречи, борода отросла неровно, под глазами легли серые тени. За руку он вёл Соню. Девушка делала короткий вдох на каждые два шага, однако отцовскую руку не использовала как опору — скорее удерживала его на месте.

Радомир остановился у раздвоенной метки.

— Ты получила мою записку.

— Получила.

— Тогда знаешь, зачем я здесь.

— Знаю, зачем ты хочешь здесь быть. Это не одно и то же.

Соня прикрыла глаза, пережидая приступ кашля. Ярина хотела подойти, но девушка подняла ладонь: не сейчас.

— Не начинайте с порога, — выговорила она. — У нас одна ночь. Потратьте хотя бы первую минуту не на старую ссору.

Радомир сжал губы. За его плечом над ярмаркой зажигались всё новые фонари. Солнце касалось дальнего леса, и от ворот по лугу ползла длинная тень.

Ярина посмотрела на разделённый знак, на дорогу поверх раздавленного зверобоя, на щепку в своей руке. Потом открыла калитку, но сама осталась в проходе.

— Входите, — сказала она. — Дом мы сегодня не продаём. Сначала ты расскажешь, что уже пообещал ярмарке.

Радомир переступил порог. Метка вспыхнула под его ладонью, подтверждая право владельца.

А далеко под землёй колокол ударил в четвёртый раз, хотя прежде четвёртого удара не бывало.

Глава 2. Родич с готовой ценой

Радомир не сел за общий стол.

Он остался у двери, будто боялся, что стоит ему пройти в комнату ещё два шага — и дом снова сделает его мальчишкой, которого отчитывают за сломанную заслонку или рассыпанное зерно. Соня опустилась на лавку у окна. Ярина подложила ей под спину свёрнутое одеяло и поставила рядом кружку тёплой воды.

— Не отвар? — спросила Соня.

— Пока вода. Ты принимала утреннюю смесь?

— В три глотка, как велела.

— Жар был?

— Нет.

— Кровь?

— Тоже нет.

Радомир нетерпеливо дёрнул завязку плаща.

— Мы пришли не для осмотра.

— А она пришла не для продажи, — ответила Ярина. — Или ты уже решил за неё и это?

— Я решил за свою долю земли.

— Тогда назови цену.

За окном ярмарочные огни становились ярче по мере того, как сад уходил в тень. По каменной дороге двигались люди. Одни торопились к палаткам, другие уже возвращались, прижимая к груди покупки: пустые коробки, запечатанные бутылки, узлы, из которых доносился тихий звон. Торг ещё не объявили открытым, но ярмарка умела продавать ожидание.

Радомир снял плащ. Под ним оказалась чистая праздничная рубаша, только ворот был застёгнут неверно. Он собирался на сделку как на службу в часовне и одевался в темноте.

— Моя половина дома, — сказал он. — Западная часть сада. Право на колодец по чётным дням. Половина урожая с двух старых груш.

— Это товар. Я спросила цену.

— Полное исцеление Сони.

Девушка у окна медленно повернула голову.

— Ты говорил, что хочешь узнать условия.

— Я узнал.

— Когда?

— Утром.

— Ярмарка открылась после полудня.

— Её люди пришли раньше.

Ярина вспомнила следы трёх человек у амбара. Радомир приехал не один. Значит, двое были торговцами или свидетелями.

— Ты уже подписал что-нибудь?

— Я поставил метку намерения.

— Чем?

Он не ответил. Соня закрыла глаза. Её пальцы лежали на коленях спокойно, но костяшки побелели.

Ярина достала из буфета маленькую ступку, бросила туда щепоть сухих листьев и растёрла пестиком. Горьковатый запах медуницы смешался с дымом, тянувшимся с ярмарки.

— Отец, чем ты поставил метку?

— Меркой деда.

— Той, что висела в западной комнате?

— Она принадлежит мне.

— Она принадлежала обоим братьям, — сказала Ярина. — Ею делили зерно ещё до нашего рождения.

— Потому она и подтверждает моё право.

— Она подтверждает, что наши отцы пользовались одним амбаром. Не то, что ты можешь продать колодец под моими ногами.

— Половину колодца.

— Попробуй набрать половину ведра из своей половины воды.

Соня закашлялась. Сначала тихо, словно хотела скрыть приступ, потом согнулась и прижала ладонь к груди. Ярина поднесла кружку, поддержала её за плечи. Радомир шагнул вперёд, но остановился, не зная, чем помочь. Приступ прошёл не сразу. За это время снаружи успели трижды позвонить ярмарочные колокольчики.

— Вот моя цена, — сказал Радомир, когда дочь снова смогла дышать. — Слышишь? Каждый её вдох. Каждый день, который вы предлагаете ждать.

— Я ничего не предлагаю, — выговорила Соня.

— Ты больна.

— Я не перестала быть человеком.

— А я не перестал быть твоим отцом.

Он сказал это без крика. Оттого слова прозвучали тяжелее. Ярина протянула Соне истолчённую медуницу на кончике ножа. Та положила порошок под язык.

— Я нашла способ достать болотную смолу, — сказала Ярина. — У Перехожего озера есть старая артель. Они привезут через две недели.

— Через две недели ярмарки не будет, — ответил Радомир.

— Смола лечит и без ярмарки.

— Может лечить.

— Да. Может. Я не обещаю того, чего не знаю.

— А они обещают.

— Поэтому ты им веришь?

— Поэтому я их слушаю.

Ярина посмотрела на его руки. На правой ладони у основания большого пальца виднелся свежий порез. Не случайная царапина — ровная линия, проведённая острым лезвием.

— Покажи ладонь.

Радомир спрятал руку за спину.

— Это не твоё дело.

— Если кровь попала на мерку, моё.

Соня поднялась. От резкого движения зашаталась, ухватилась за подоконник, но не села.

— Покажи.

Отец раскрыл ладонь. По краям пореза лежал серый блеск, похожий на металлическую пыль.

Ярина взяла чистую тряпицу, смочила водой и прижала к ране. Серый след не смылся.

— Кто сделал?

— Писарь при весах.

— Что ты произнёс?

— Что выставляю законную долю ради исцеления единственной дочери.

— Только это?

Он отвёл взгляд.

— Радомир.

— Они спросили, готов ли я уплатить недостающее, если земли окажется мало.

В комнате стало так тихо, что слышно было, как в сушильне осыпаются семена укропа.

— И ты ответил? — спросила Соня.

— Земли хватит.

— Что ты ответил?

— Да.

Она отступила от него, будто порез на ладони мог обжечь и её.

— Недостающее чем?

— Они не сказали.

— А ты не спросил?

— Спросил. Писарь сказал, что весы определяют после осмотра.

Ярина убрала тряпицу. На белой ткани серого следа не осталось, зато линия на коже потемнела.

— Это не подпись кровью, — сказала она. — Это поводок.

— Не придумывай.

— Тогда выйди за калитку в сторону деревни.

Радомир усмехнулся, накинул плащ и толкнул дверь. Прошёл через двор, миновал столб с меткой. На дороге повернул не к ярмарке, а к часовне.

После третьего шага его правая рука дёрнулась назад. Радомир остановился. Попробовал ещё раз — плечо развернулось само, словно кто-то тянул за невидимую верёвку. Он выругался и рванулся всем телом. Порез на ладони вспыхнул золотым.

Ярина видела это из дверей.

— До весов ты не уйдёшь, — сказала она. — Намерение принято.

Радомир вернулся во двор. Теперь в его лице было не упрямство, а испуг, который он старался спрятать от дочери.

— Значит, закончим быстрее.

— Сначала узнаем, что положат на вторую чашу.

— Пока ты узнаёшь, она задыхается.

— А пока ты спешишь, кто-то выбирает цену за тебя.

Соня снова села. Приступ отнял у неё силы, но голос оставался твёрдым.

— Я на весы не пойду.

— Пойдёшь, — сказал Радомир. — Покупатель должен присутствовать.

— Покупатель — ты.

— Чудо получишь ты.

— Тогда без моего согласия сделки нет.

— Земля моя.

— Лёгкие мои.

Он открыл рот и ничего не сказал. За годы спора с Яриной у него нашлось бы возражение на любую бумагу, межевой знак и семейное предание. Против четырёх слов дочери возражения не было.

С ярмарки донёсся протяжный звук рожка. В ответ загомонили люди. Над воротами появилась надпись из зелёных искр: «ТОРГ ОТКРЫТ».

Кто-то постучал в калитку.

На этот раз стук был осторожным. Ярина вышла и увидела Береста. Староста держал под мышкой книгу деревенских записей, а в другой руке — кожаный футляр с печатью.

— Разрешить войти? — спросил он.

— Если пришёл как сосед.

— Я пришёл как староста.

— Тогда стой снаружи.

Берест поморщился.

— Не время показывать характер. Ярмарка признала спор о земле. Нужна запись о владельцах.

— Запись у тебя в книге.

— Потому я её и принёс.

Он положил книгу на верх калитки и раскрыл заложенную страницу. Ярина знала эти строки наизусть. После смерти братьев писарь записал: усадьба у межи остаётся в общем владении Ярины, дочери Святобора, и Радомира, сына Велемира, до добровольного раздела. Ни один не мог продать долю прежде, чем предложит её другому.

— Предложения не было, — сказала Ярина.

— Было прошлой осенью.

— Он спросил, не хочу ли я выкупить крышу. Это не предложение доли.

— Свидетели слышали разговор.

— Какие свидетели?

Берест перелистнул несколько страниц, слишком быстро, чтобы она успела прочесть имена.

— Это можно выяснить у весов.

— Почему у ярмарочных весов, если книга деревенская?

Староста оглянулся. Мимо проходили соседи, и каждый замедлял шаг, но никто не останавливался. Все хотели услышать, никто не хотел оказаться свидетелем.

— Потому что к рассвету половина деревни принесёт мне новые споры, — тихо сказал Берест. — Кто-то вернёт молодость и перестанет признавать взрослых детей. Кто-то оживит засохшее поле и потребует старую межу. Кто-то забудет долг. Нам нужен порядок, который ярмарка согласится уважать.

— Ты хочешь отдать ей нашу книгу?

— На хранение до утра.

— Нет.

— Ярина, это не твоя книга.

— И не её.

Берест закрыл переплёт.

— Семь лет назад мы потеряли три дома из-за того, что люди спорили без записи. Один человек купил себе удачу на охоте, а потом его брат заявил, что оплатили общим стадом. До сих пор судятся. Я не повторю эту ошибку.

— Поэтому совершишь другую?

— Поэтому закреплю сделки.

— Даже если их оплатят чужой памятью?

Он вздрогнул едва заметно.

— Памятью платит тот, кто согласился.

— Ты уверен?

— Таковы правила.

— Ты их читал?

— Их объявили вслух.

— Тихора сказала: всякая названная цена будет взыскана. Не всякая добровольно отданная.

Берест сжал футляр. Похоже, разницу он услышал, но признавать её не хотел.

— Я вернусь через час, — сказал он. — К весам должны явиться оба владельца и получатель чуда. Если ты не придёшь, спор оценят без тебя.

— Кто приказал?

— Распорядительница.

— Та, которая забыла половину собственной речи?

— Я ничего такого не видел.

Он ушёл прежде, чем Ярина успела спросить, почему на застёжке книги блестит такая же серая пыль, как на ладони Радомира.

В доме Соня стояла возле отца. Они говорили шёпотом, но замолчали при появлении Ярины.

— Берест несёт записи ярмарке, — сказала она. — Через час нас ждут у весов.

— Значит, пойдём, — ответил Радомир.

— Мы пойдём узнать условия. Не соглашаться.

— Ты можешь не соглашаться за себя.

— Именно это я и делаю, — сказала Соня.

Отец повернулся к ней.

— Ты не понимаешь, как выглядишь по ночам.

— А ты не понимаешь, как выглядишь сейчас.

— Мне всё равно.

— Мне нет.

Она взяла его порезанную руку и раскрыла ладонь. Золотой свет под кожей почти исчез, но линия тянулась от раны к запястью.

— Ты боишься не только за меня, — продолжила Соня. — Ты боишься, что если не купишь чудо, а я умру, то останешься виноватым.

Радомир выдернул руку.

— Ты не умрёшь.

— Может быть. Ярина не врёт. Её лечение может не помочь. Но если ты продашь дом, пообещаешь неизвестную доплату и всё равно не получишь того, что ждёшь, тебе станет легче?

— Я получу.

— Откуда знаешь?

— Потому что видел.

Ярина поставила ступку на стол.

— Что видел?

Он долго молчал. Затем сел впервые с тех пор, как вошёл в дом. Праздничная рубаха на нём сразу стала похожа на то, чем была: одежду человека, который двое суток не спал и пытался выглядеть достойно перед теми, кому собирался отдать всё.

— Утром они привели мальчика, — сказал Радомир. — Из Дальних Выселок. У него правая нога была короче левой. Я помню его с осенней ярмарки, он ходил на костыле. Писарь положил на весы горсть земли с отцовского поля. Женщина в зелёном коснулась колена. Мальчик встал ровно.

— Что отдали взамен?

— Поле.

— Только поле?

— Так сказали.

— Кто был третьим человеком у амбара?

— Его отец.

— Значит, второй — писарь. Они привезли мальчика показать тебе.

— Его никто не заставлял ходить.

— Я не спорю с тем, что чудо действует. Я спрашиваю цену.

— Земля. Та же, что у нас.

— На твоей ладони серый след. На книге Береста тоже. Почему?

Радомир посмотрел на порез и впервые не нашёл быстрого ответа.

Ярина подошла к полке, сняла пустую стеклянную банку и поставила перед ним.

— Представь, что это год. Не число, не круг на календаре. Полный год чьей-то жизни. Если земля не перевесит исцеление, ярмарка заполнит банку. Чей год ты согласился отдать?

— Свой.

— Ты это произнёс?

— Нет.

— Значит, не свой. Любой, который весы сочтут доступным.

— Они не могут взять у Сони.

— Почему?

— Потому что она получает чудо.

— Это правило ты тоже слышал от писаря?

Он резко поднялся.

— Хватит. Ты умеешь сделать страшным всё, чего не можешь положить в ступку.

— А ты умеешь назвать любовью всё, что сделал без спроса.

Удар пришёлся точно. Радомир отшатнулся, будто она толкнула его в грудь. Соня закрыла лицо ладонью.

Ярина сразу пожалела о словах, но не могла забрать их обратно. Между ними было слишком много старых обвинений. Стоило вытащить одно — остальные сами лезли наружу.

— Я не хотела...

— Хотела, — сказал Радомир. — Ты всегда считала, что только ты умеешь заботиться правильно. О саде, о больных, о доме. О моём отце, когда он уже не мог встать. Ты пришла с отварами и решила, что знаешь его лучше меня.

— Я лечила его.

— А потом вписала расходы в спор о наследстве.

— Потому что лекарства покупались из общего урожая.

— Вот. Даже смерть у тебя сходится в счёте.

Ярина отвернулась к окну. На ярмарке вспыхнул высокий синий огонь. Толпа ахнула. Кто-то засмеялся так громко и счастливо, что на мгновение всем троим захотелось поверить: там действительно раздают избавление, а не меняют одну беду на другую.

— Перестаньте, — сказала Соня. — Если вы понесёте к весам эту ссору, её тоже взвесят.

Радомир посмотрел на неё, потом на Ярину.

— Хорошо. До рассвета — только дело.

— Только дело, — согласилась Ярина.

— Я не снимаю метку.

— А я не разрешаю продажу.

— Значит, спор решат весы.

— Сначала мы увидим мальчика из Выселок и его отца.

— Зачем?

— Узнать, что они забыли.

Снаружи снова позвонили. На пороге лежал свёрнутый лист, хотя никто не входил во двор. Бумага была плотной, желтоватой, с тремя тонкими корешками вместо печати.

Ярина развернула её.

«Владельцам спорной усадьбы явиться к весам до первой ночной звезды. Получательнице чуда присутствовать. Имущество подготовить к осмотру. Недостающая цена обеспечена».

Ниже стояли три отметины. Кровавый отпечаток Радомировой ладони. Серый оттиск старостинской печати. И третья, почти невидимая: след маленькой человеческой руки.

Соня увидела его первой.

— Это не моя ладонь.

Радомир выхватил лист. Приложил к следу пальцы дочери. Отпечаток был намного меньше.

— Мальчик, — сказала Ярина. — Тот, которого тебе показали.

— При чём здесь он?

— Не знаю. Но его отец принёс к нашему амбару не только доказательство чуда.

Золотая линия на Радомировой ладони поднялась к локтю. Он поморщился.

С ярмарки донёсся бой часов. До первой звезды оставалось меньше часа.

Ярина взяла кожаную сумку лекаря, положила внутрь соль, ножницы, чистые тряпицы и пустую банку. Затем сняла со стены отцовский посох — не оружие, а простую ореховую палку, которой он мерил глубину болотных троп.

— Куда? — спросил Радомир.

— В Дальние Выселки мы не успеем. Значит, найдём мальчика на ярмарке.

— А весы?

— Они подождут до звезды.

— Мне не дают уйти от дороги.

— Тогда пойдёшь с нами. Если чудо настоящее, я признаю это вслух. Если цена скрыта, ты снимешь метку.

— Если смогу.

Это было первое честное сомнение, которое он высказал за весь вечер.

Соня завязала плащ. Ярина хотела возразить, но девушка опередила её:

— Получательнице чуда присутствовать. Вы оба это уже прочли.

Они вышли во двор втроём. За калиткой метка раздвинулась, пропуская владельцев. Каменная дорога была тёплой, хотя солнце почти село. По обеим сторонам лежали вывороченные растения, а впереди сияли ворота ярмарки.

У самого входа стоял мерщик. Он приветливо поклонился Радомиру, не взглянул на Ярину и подал Соне маленькую стеклянную банку.

Внутри клубился золотой дым.

— Первый взнос принят, — сказал он. — Держите ближе к сердцу, госпожа. Это поможет вам дойти до весов без кашля.

Соня не взяла банку.

— Чей это год?

Улыбка мерщика не изменилась.

— Цена уже обеспечена.

— Я спросила, чей.

— На ярмарке важнее не чей, а за что.

Ярина шагнула вперёд и увидела на дне банки крошечную деревянную лошадку с одной сломанной ногой.

Ту самую, которую мальчик нёс мимо её калитки.

Глава 3. Год в стеклянной банке

Ярина не коснулась стекла.

Банка была размером с её ладонь, закупорена чёрным воском и перевязана тонкой корневой нитью. Золотой дым внутри двигался не как пар над отваром. Он то собирался у самого дна, то поднимался к горлышку, и каждый раз в нём проступали короткие, резкие картины: босые пятки на пыльной дороге, синяя лента на палке, белая стружка под ножом. Деревянная лошадка лежала на боку. Одна передняя нога была обломана, но в золотом отсвете игрушка на миг становилась целой.

— Верните её владельцу, — сказала Ярина.

Мерщик по-прежнему держал банку перед Соней.

— Владелец предназначено возмещение.

— Какое?

— Равноценное.

— Год за игрушку?

— Год не за игрушку. Игрушка лишь подтверждает доступность года.

Радомир наклонился ближе. Золотая линия под кожей его руки дрогнула и потянулась к банке. Он сразу спрятал ладонь за спину.

— Вы сказали, это первый взнос за Сонино исцеление.

— Именно.

— Но землю ещё не взвешивали.

— Намерение весит раньше имущества, — ответил мерщик. — Господин Вель согласился покрыть недостающее. Ярмарка предусмотрительна. Она собирает обеспечение, пока покупатель не передумал из-за сердечной слабости.

Соня перевела взгляд с банки на отца.

— Сердечной слабостью он называет совесть?

— Я называю так всякую болезнь, которая мешает исполнить обещанное.

За воротами толпа текла между рядами, освещёнными синими и янтарными огнями. Над головами проплывали вывески: золотая ладонь, серебряная колыбель, зелёное дерево с плодами. Люди смеялись, торговались, звали знакомых. Где-то играли на свирели. От жаровен пахло мёдом и печёными яблоками, но из банки тянуло сырой древесиной, как из сундука, долго простоявшего в погребе.

— Кто мальчик? — спросила Ярина.

Мерщик посмотрел на неё впервые с того мгновения, как они подошли.

— Какой мальчик?

— Тот, чья ладонь на повестке. Тот, кому принадлежит лошадка.

— Принадлежала.

— Имя.

— Имена не входят в меру.

Ярина вынула из сумки чистую тряпицу, насыпала на неё соли и протянула Соне.

— Оберни руку. Если он попытается вложить банку, не бери голым телом.

Мерщик улыбнулся.

— Соль удерживает память от порчи, травница. Не от передачи.

— Значит, вы знаете, что внутри память.

Его улыбка стала уже.

— На ярмарке всё является тем, чем его называли при внесении.

— Тогда называйте точно.

Рядом остановились двое соседей. Один сделал вид, что разглядывает вывеску, другой потянул его за рукав. Ярина повысила голос:

— В этой банке год памяти ребёнка. Его хотят отдать за чудо женщине, которая не согласалась на покупку.

Шум у ворот ослаб. Не стих — ярмарка была слишком велика для тишины, — но вокруг них образовался пустой круг.

Мерщик опустил банку.

— Вы мешаете торгу.

— Я совладелица выставленного имущества. Я выясняю цену.

— Цена будет объявлена у весов.

— Она уже у вас в руке.

Из золотого дыма донёлся тонкий стук. Лошадка качнулась, хотя банку никто не трогал. Потом снова. Стук повторился трижды, будто ребёнок изнутри просил открыть.

Соня судорожно вдохнула. Ярина поддержала её под локоть, но девушка выпрямилась сама.

— Я не приму это, — сказала она.

— Получатель не распоряжается обеспечением, — ответил мерщик.

— Зато распоряжается собственным телом.

— Не на весах.

Радомир шагнул к нему.

— Что это значит?

— Лишь то, что приобретённое чудо исполняется согласно заявлению покупателя. Иначе многие дети, больные и безумцы отвергли бы спасение по неведению.

— Соня не ребёнок и не безумна.

— Тогда ей тем легче будет оценить дар после исцеления.

Золотая линия на Радомировой руке вспыхнула до локтя. Он поморщился, но не отступил. Ярина заметила, что корневая нить на банке натянулась в ту же секунду. Намерение держало его не только у дороги. Оно уже связывало покупателя с собранной ценой.

— Где мальчик? — спросил он.

Мерщик повёл плечом.

— В пределах торгового двора.

— Покажите.

— У вас мало времени до первой звезды.

— Значит, ведите быстро.

Это ещё не было отказом от сделки, но впервые Радомир требовал ответа не у Ярины. Она запомнила перемену и ничего не сказала, чтобы не спугнуть.

Мерщик поставил банку на узкий столик у ворот. Под стеклом сразу загорелся круг с тремя корнями. Корневая нить впилась в воск, и золотой дым перестал стучать.

— Обеспечение останется здесь, — сказал он. — Если до звезды вы не явитесь к весам, взнос будет взыскан полностью, а спор рассмотрят без второго владельца.

— Что значит «полностью»? — спросила Соня.

— Весь названный год.

— Сейчас там не весь?

— Сейчас он лишь открыт.

Ярина почувствовала холод между лопаток. Банка была не сосудом с уже украденным годом, а дверью в него. Пока вещь лежала внутри, торговцы могли вытянуть остальное.

— Если забрать игрушку?

— Повредите обеспечение.

— Ответьте.

Мерщик постучал ногтем по стеклу.

— Свидетель лишится голоса, но обязательство останется.

— Значит, нужна не игрушка сама по себе, — сказала Ярина. — Нужен тот, кто узнает её и хозяина.

На лице мерщика мелькнуло раздражение. Этого ей хватило.

Она повернулась к пустому кругу людей.

— Кто знает мальчика с деревянной лошадкой? Он бежал к выгону перед открытием.

Никто не ответил. Несколько человек отвели глаза. От дальнего ряда донёлся звон, и над палатками взвился пучок белых искр. Толпа снова задвигалась: чудо оказалось интереснее чужой беды.

Тогда из-за спины корзинщицы высунулась девочка с синей тряпицей, привязанной к ветке. Та самая, которая бежала рядом с мальчиком. Корзинщица попыталась заслонить её юбкой.

— Лада, молчи.

— Его зовут Жданек, — сказала девочка. — Он сын гончара Путяты.

Корзинщица схватила её за плечо.

— Не наше дело.

— Он плачет у сахарной палатки, — продолжила Лада. — Говорит, что конь не его. А сам вырезал его всю зиму.

Ярина пошла к девочке. Корзинщица попятилась.

— Я детей в ваш спор не дам.

— Его уже взяли в спор, — сказала Соня.

Лада показала веткой налево, туда, где над прилавком вращался розовый петушок.

Мерщик шагнул поперёк дороги.

— К весам направо.

Ярина опёрлась на отцовский посох.

— До звезды мы свободны осматривать имущество и цену. Вы сами это сказали.

— Я сказал, что имущество подготовят к осмотру.

— А память ребёнка — наше недостающее обеспечение. Значит, она часть цены. Отойдите.

Он мог позвать стражу. По обе стороны ворот стояли высокие люди в масках из бересты; их руки лежали на коротких дубинках, из которых росли живые листья. Но вокруг снова начали останавливаться посетители. Мерщик посмотрел на них и отступил.

— До первой звезды, — повторил он. — После неё незнание условий не освобождает от цены.

— Знание, похоже, тоже, — сказала Соня.

Они вошли на ярмарку.

Снаружи ряды казались длинными, но внутри расходились в стороны, как корни под землёй. Между лавками были проложены дорожки из разных материалов: белой гальки, медных кругов, чёрной земли, гладких плашек. Ярина ступала только по земле. Медные круги тихо звенели под чужими ногами, а на белой гальке у людей менялись тени: старики отбрасывали детские силуэты, дети — согбенные взрослые.

Сахарную палатку нашли по запаху жжёного мёда. На шесте кружился розовый петушок, время от времени хлопая прозрачными крыльями. Продавщица наливала горячую карамель в формы, но ни угля, ни дров под котлом не было.

Жданек сидел за палаткой на перевёрнутом ведре. На вид ему было лет девять. Он прижимал к груди пустую верёвку, на которой прежде возил лошадку. Рядом стоял широкоплечий мужчина с руками, въевшимися в красную глину. Он спорил с писарем в серой накидке.

— Мы ничего не подписывали, — говорил мужчина. — Мальчишка дал игрушку подержать. Ему обещали починить ногу коню.

— Вещь принята добровольно, — ответил писарь.

— Добровольно — это когда знаешь, что отдаёшь.

— Незнание ценности не делает вещь бесценной.

Радомир остановился так резко, что Соня налетела на него.

— Это не тот мальчик, — сказал он.

Ярина посмотрела на Жданека. Обе ноги у него были ровными и крепкими. На правом колене — свежая корка от падения. Это был деревенский ребёнок, которого она видела у калитки, не исцелённый мальчик из Дальних Выселок.

— И лошадка не та, — продолжил Радомир. — У того была красная, с колёсами. Эту я раньше не видел.

— А на повестке была её тень, — сказала Ярина. — Они смешали доказательство чуда и его цену, чтобы ты решил, будто платит тот же человек.

Писарь услышал и повернулся.

— Господин Вель, вас ждут у весов.

— Я спросил, где мальчик из Дальних Выселок.

— Он с отцом покинул торг после исполнения сделки.

— Что он отдал кроме поля?

— Сведения о чужих сделках не разглашаются.

— Зато чужие годы берёте в обеспечение моей.

Путята посмотрел на Радомира с ненавистью.

— Так это для тебя?

— Для моей дочери, — сказал Радомир, и впервые эти слова прозвучали не как оправдание, а как признание вины.

Соня подошла к Жданеку и присела перед ним.

— Ты помнишь меня?

Мальчик пожал плечами.

— Тётка Ярина давала тебе зимой мазь для рук, — подсказал Путята. — А это Соня, Радомирова дочь. Ты носил им кувшин на прошлую Купалу.

Жданек посмотрел на Ярину. Лицо у него сморщилось от старания.

— Мазь помню. Тётку не помню.

Ярина присела рядом с Соней.

— Как ты порезал большой палец?

На правой руке мальчика белел неровный шрам.

— Не знаю.

— Лошадку вырезал сам?

— Папка говорит, сам.

— А ты?

— Я не умею.

Путята шумно втянул воздух.

— С осени учил его нож держать. Он мне половину заготовок испортил. А теперь говорит, не умеет.

Ярина взяла мальчика за кисть. Пальцы были в мелких порезах, у основания большого пальца кожа загрубела именно там, где рукоять ножа давит при резьбе. Тело помнило навык, из головы его уже вытащили.

— Когда началась прошлая зима? — спросила она.

Жданек нахмурился.

— После осени.

— Что было на первый снег?

— Ничего.

— Твоя мать тогда уехала к сестре, — тихо сказал Путята.

Мальчик поднял голову.

— Мама дома.

— Она вернулась весной.

— Она всегда дома.

Путята отвернулся. Глина на его руках казалась кровью.

Ярина спросила ещё о весеннем разливе, о новом гончарном круге, о телёнке, родившемся в мае. На каждом вопросе Жданек терялся. Он помнил события, случившиеся раньше прошлой осени, и сегодняшний день до того мгновения, когда отдал игрушку. Между ними лежала ровная пустота.

— Они открыли последний год, — сказала Ярина. — От нынешнего дня назад до прошлого года вечера.

— Верни, — потребовал Путята у писаря.

— Возврат обеспечения возможен после прекращения основного намерения и уплаты расходов за хранение.

— Каких расходов? Вы пять минут держите банку!

— Время внутри не измеряется временем снаружи.

Путята шагнул к писарю. Берестяные стражи у входа повернули маски одновременно, хотя стояли далеко. Ярина перехватила гончара за запястье.

— Если ударишь, им будет проще назвать тебя нарушителем и оставить год у себя.

— А если не ударю?

— Найдём правило, которое они не смогут перевернуть при свидетелях.

— Ты уже нашла?

— Нет.

Честный ответ разозлил его сильнее обещания, но он остался на месте.

Соня поднялась.

— Я отказываюсь от чуда. Все слышали?

Продавщица сахарных фигурок перестала мешать карамель. Двое покупателей повернулись. Лада с корзинницей стояли у дорожки. Свидетелей набралось не меньше десяти.

Писарь развёл руками.

— Получательница не заявитель.

— Я отказываюсь получить.

— Чудо можно передать против воли, как сон, возраст или родство.

— Тогда это не дар.

— Мы не называли его даром.

Радомир потёр горящую руку.

— Я снимаю обеспечение мальчика.

Серая накидка писаря едва заметно шевельнулась, хотя ветра не было.

— Вы вправе заменить его равноценным годом.

— Моим.

— Нельзя заменить открытый год неназванным.

— Называю прошлый. От этой ярмарки до нынешней.

Ярина схватила его за плечо.

— Семь лет — не год.

— Тогда последний.

— В последний год ты искал лекарей для Сони. Потеряешь их советы, долги, обещания и то, что уже попробовали. Можешь навредить ей снова, не помня прежних ошибок.

— Но это будет моё.

— Этого мало, если не понимаешь, что именно отдаёшь.

Писарь быстро произнёс:

— Назван последний год Радомира Веля. Замена может быть совершена у весов до первой звезды.

Золотая линия на руке Радомира поднялась выше локтя. Он согнулся, прижав ладонь к груди. Соня вскрикнула.

— Вы уже берёте!

— Мы лишь отметили предложенное.

Ярина сорвала с шеи мешочек с солью и прижала к порезу Радомира. Сквозь ткань пошёл жар. Соль затрещала, будто попала на раскалённую сковороду. Линия остановилась на плече.

— Не произноси больше ничего, — велела она.

— Ты хотела добровольную цену, — выдохнул он.

— Добровольная — не значит слепая.

Жданек наблюдал за ними без слёз. Пустота в его взгляде была страшнее плача. Потом пальцы мальчика сами сложились, будто держали нож и деревянную заготовку. Большой палец упёрся в невидимую спинку лошадки, указательный повёл воображаемое лезвие от себя.

— Смотри, — сказала Ярина Путяте.

— Что?

— Руки помнят.

Она подняла с земли тонкую щепку, вынула свои малые ножницы и дала мальчику. Жданек испуганно покачал головой.

— Я не умею.

— Не режь. Только возьми, как удобно.

Он взял. Не за кольца, как берут дети, впервые увидевшие инструмент, а положил одно лезвие вдоль щепки и ногтем проверил направление волокон.

Путята закрыл рот ладонью.

— Он делал так со стамеской.

— Память забрали, след остался, — сказала Ярина. — Значит, год не исчез. Его держат отдельно от того, что выучило тело.

Писарь поправил рукав.

— Наблюдение не меняет договора.

— Договора нет, — ответил Путята. — Есть обманутый ребёнок.

— Вещь передана добровольно.

— А год?

— Свидетель подтверждает год целиком.

— Лошадка не могла его подтвердить, — сказала Ярина. — Её вырезали за один год. Она свидетель только тех дней, когда Жданек работал над ней. Всё остальное вы приписали сами.

Писарь замолчал.

Вот где была трещина. Ярмарка могла вытягивать память через вещь, но ей требовалось назвать связь так, чтобы люди приняли её за целое. Игрушка знала руки мальчика, зимние вечера, ошибки ножа. Она не знала разлива, телёнка и возвращения матери. Эти воспоминания пристегнули к ней чужими словами.

— Кто назвал срок? — спросила Ярина.

Писарь посмотрел поверх её головы.

— Обеспечение назначает мерщик.

— Значит, Жданек не отдавал год. Мерщик назвал его вместо мальчика.

— Владелец вещи не возразил.

— Он не слышал.

— Незнание...

— Хватит повторять, — сказал Радомир. Он выпрямился, хотя лицо стало серым от боли. — Я слышал, как вы называете землю достаточной платой. Потом подписал неизвестное недостающее. Мальчику сказали, что починят игрушку, и назвали вместо него год. Если у вас все сделки устроены так, ваши весы взвешивают не цену. Они взвешивают, сколько лжи проглотит человек ради желания.

Соня посмотрела на отца. Он не встретил её взгляда.

Над рядами проступила первая звезда. Не настоящая — небо ещё хранило бледную полосу заката. Звезду зажгли на верхушке центрального шатра, и её лучи легли на дорожки, превращая белую гальку в зубы.

Колокол под землёй ударил один раз.

Писарь вздохнул с облегчением.

— Срок наступил. Владельцы спорной усадьбы обязаны явиться к весам. Возражения будут внесены в запись.

— А мальчик? — спросил Путята.

— Его год останется открытым до решения об основной покупке.

Жданек пошатнулся. Путята подхватил его. У мальчика вдруг выпал молочный зуб — маленький, с тонким красным корнем. Он уставился на кровь на ладони и спросил:

— Папка, а мне сколько лет?

Путята прижал сына к себе.

— Девять.

— Почему я не помню, как мне было восемь?

Ярина посмотрела на звезду, потом на писаря.

— Банку принесут к весам.

— Обеспечение хранится у ворот.

— Тогда и мы останемся у ворот.

Золотая линия на Радомировой руке рванулась к плечу. Он вскрикнул и упал на одно колено. Каменная дорожка под ногами загудела. Ярмарка тянула заявителя к весам.

Ярина сунула посох Соне.

— Держи его. Не давай коснуться медных кругов.

— А ты?

— Заберу свидетеля цены.

Она побежала к воротам. За спиной Путята крикнул, что идёт с ней, но Ярина не обернулась. Земляная дорожка изгибалась, уводя в сторону. Тогда она перескочила через прилавок с пустыми кошельками, протиснулась между покупателями молодости и вышла к белой гальке. Тени под ногами тянулись чужими возрастами. Ярина шла по деревянным краям лавок, чтобы не наступать на камни.

У ворот мерщик уже держал банку обеими руками. Золотой дым заполнил её до горлышка. Лошадка стояла на четырёх ногах — сломанная часть сияла, заменённая памятью.

— Первый взнос взыскан, — объявил он.

— Нет. Вы открыли год без согласия владельца.

— Возражение опоздало.

— Свидетель подтверждает только часть срока.

На этот раз он не улыбнулся.

— Кто вам это сказал?

— Руки мальчика.

Мерщик попятился. За его спиной берестяные стражи скрестили дубинки.

Путята догнал Ярину, неся Жданека на руках. Следом шли Соня и Радомир; Радомир опирался на отцовский посох Ярины, а золотая линия под его кожей пульсировала в такт подземному гулу. Люди расступались перед ними.

— Вот владелец, — сказал Путята. — Вот его отец. Вот женщина, для которой вы взяли год. Все отказываются. Открывай.

Мерщик поднял банку выше.

— Ни один из вас не является держателем намерения.

Радомир сделал ещё шаг.

— Я держатель.

— Тогда прикажите доставить обеспечение к весам и продолжайте сделку.

— Доставить к весам, — сказал Радомир. — Не вливать в Соню. Не закрывать. Не менять до разбора.

Корневая нить на горлышке дёрнулась. Мерщик стиснул банку, но та выскользнула из его пальцев и повисла в воздухе перед Радомиром. Золотая линия на его руке стала ярче.

Ярина завернула стекло в солёную тряпицу. Жар обжёг ладони даже через ткань. Внутри Жданек смеялся над первой удачной деревянной головой, сердился на занозу, прятал за спиной подарок для матери. Эти картины не принадлежали никому из тех, кто их видел.

— Я понесу, — сказала Соня.

— Нет. Банка предназначена тебе.

— Поэтому и понесу. Чтобы никто не сказал, будто я не знала цену.

Ярина покачала головой.

— До весов её несёт свидетель владельца.

Она передала банку Путяте. Стекло в его руках перестало дрожать. Лошадка снова упала на бок, и золотая нога погасла.

Мерщик побледнел.

— Это не предусмотрено.

— Значит, весам придётся впервые увидеть того, чьим годом они торгуют, — сказала Ярина.

Вторая звезда вспыхнула над центральным шатром.

Они двинулись к весам впятером: Путята с банкой, Жданек рядом, Соня, Радомир и Ярина. За ними пошла Лада с синей тряпицей, потом сахарница, корзинщица и ещё несколько человек. Не толпа — пока только свидетели.

У поворота Жданек потянул отца за рукав.

— Папка, если они вернут год, я снова вспомню лошадку?

— Вспомнишь.

— А если нет?

Путята не смог ответить.

Ярина оглянулась на банку. Теперь она знала владельца первого украденного года и знала, что память можно отделить от тела, но нельзя стереть бесследно. Тело оставляло зарубки. Вещь помнила прикосновения. Свидетели могли назвать то, что торговцы прятали за безличной ценой.

Этого ещё не хватало, чтобы вернуть Жданеку зиму, весну и лето.

Но хватало, чтобы ярмарка впервые не смогла украсть год в тишине.

Глава 4. Трава, забывшая имя

Весы стояли под шатром без стен.

Издали Ярина приняла их за две молодые берёзы, склонившиеся друг к другу. Вблизи увидела, что белые стволы вытесаны из кости или из дерева, слишком долго пролежавшего без света. Вместо листьев на ветвях висели чаши: медные, глиняные, стеклянные, плетёные из корней. Они покачивались без ветра и тихо постукивали одна о другую. Под каждой на земле лежала тень, хотя огни ярмарки светили со всех сторон.

В середине шатра чернел круглый помост. По нему проходила трещина, продолжавшая старую межу. Одна половина помоста стояла на земле Межени, другая — на земле соседнего удела. Ярина сразу поняла, почему ярмарка выбрала это место: здесь ни один хозяин не мог выгнать её целиком.

Путята поднялся на помост первым. Банку с Жданековым годом он держал обеими руками, прижав к груди. Стекло уже не обжигало через солёную ткань, но золотой дым внутри ходил волнами, словно искал щель.

— Сюда ставят имущество, — сказал писарь, нагнавший их у шатра. — Обеспечение — в малую чашу справа.

— Это не обеспечение, — ответил Путята. — Это мой сын.

— Ваш сын стоит рядом.

— Тогда попробуй объяснить, почему он не знает собственную мать.

Писарь не ответил. Он достал из рукава дощечку, провёл по ней ногтем и произнёс громче:

— Дело Радомира Веля о полном исцелении Софьи Вель. Цена заявлена землёй, строениями, водой и плодами. Недостающее покрывается годом памяти. Возражение совладелицы принято. Свидетель цены доставлен.

С последними словами одна из стеклянных чаш опустилась так низко, что Путята мог поставить в неё банку, не поднимая рук. Он не двинулся.

— Кто держит весы? — спросила Ярина.

Писарь указал на пустой табурет перед помостом.

— Весы держат себя.

— Кто решает, что тяжелее?

— Названное.

— Имя Жданека названо. Его отказ назван. Отказ Сони тоже. Почему чаша не поднялась?

— Потому что отказ не является имуществом.

— Зато год является, — тихо сказала Соня.

Она поднялась следом за Путятой. Под ярмарочными огнями её лицо казалось почти прозрачным. Дорога от ворот отняла у неё силы: на висках блестел пот, пальцы дрожали. Но на помост она ступила без отцовской помощи.

— Если год вложат в меня против моей воли, — сказала она, — это будет не исцеление. Это будет ещё одна кража.

Медные чаши качнулись. Одна звякнула, будто услышала, но равновесие не изменилось.

Радомир стоял у края помоста. Золотая линия на его руке тянулась к самой большой чаше, сплетённой из чёрных корней. В ней лежала горсть земли, щепка от оконной рамы, засохшая груша и деревянная зерновая мерка. Мерку Ярина узнала сразу. Её дед насыпал ею рожь, мать отмеряла сушёные листья малины, а сама Ярина в детстве прятала в ней крашенные камешки. На боку темнело свежее кровавое пятно Радомира.

— Ты всё-таки отдал мерку, — сказала она.

— Поставил на весы, — ответил он. — Ещё не отдал.

- Сундук Велемира где?
- В залоге у писаря.
- Там отцовские письма.
- Там старые рубахи и бумаги, которыми ты всё равно тычешь мне в лицо.
- Потому что в них границы долей.
- В них слова мёртвых. Соня живая.

Ярина хотела ответить резко, но увидела, как он держит больную руку. Соль остановила золотую метку, не погасила. Каждый удар сердца толкал её ближе к плечу. Радомир уже заплатил телом за одно намерение, а ярмарка ещё даже не объявила, чего недостаёт.

Жданек подошёл к стеклянной чаше. В золотом дыму мелькнуло его лицо — смеющееся, перепачканное стружкой. Настоящий мальчик смотрел на него равнодушно.

- Можно мне забрать коня? — спросил он.

Над помостом прошёл сухой шелест. Корневые чаши приподнялись, стеклянная опустилась ниже.

- Не трогай, — предупредила Ярина.
- Я его сделал?
- Сделал.
- А почему там я радуюсь, а здесь не радуюсь?

Ярина присела перед ним.

— Потому что радость осталась внутри вместе с тем днём. Она твоя. Мы постараемся вернуть её тебе.

- А если вернёте, я стану тем мальчиком из банки?
- Ты и сейчас он.

Жданек нахмурился, как хмурятся дети, когда взрослые говорят удобно, но непонятно.

- Нет. Тот умеет коня. А я не умею.

Его пальцы снова сложились вокруг невидимого ножа. Тело спорило с ним, и этот спор был единственным честным ответом, который Ярина могла показать.

Она взяла Жданека за руку и подвела к краю помоста, где из белой опоры весов выступал короткий сучок.

- Проведи большим пальцем.
- Мальчик провёл. Потом сам развернул ладонь и толкнул сучок от основания к концу.
- Против волокон цепляется, — сказал он.
- Откуда знаешь?
- Жданек замер.
- Не знаю.
- Зато рука знает. В банке лежит не весь ты. Если память вернётся, ей будет куда вернуться.

Путята шумно выдохнул. Он всё ещё не ставил банку в чашу.

Со стороны центрального ряда показалась Тихора. Она шла одна, и люди расступались раньше, чем замечали её. Семь пузырьков у неё на шее касались друг друга при каждом шаге. В первом плескался золотой дым, остальные казались пустыми. Когда распорядительница поднялась на помост, чаши перестали качаться.

- Почему весы не начаты? — спросила она.
- Писарь поклонился.
- Свидетель цены отказывается занять место.
- Свидетель живой?
- Вещь и открытый год находятся в руках отца владельца.
- Тихора посмотрела на Жданека.
- Владелец назвал срок?

Писарь помедлил.

— Срок назначен мерщиком как обеспечение.

— Я спросила не это.

— Нет.

Первый пузырёк на её шее вспыхнул. Тихора прижала пальцы к виску, будто услышала слишком громкий звук.

— Тогда год нельзя взвешивать как добровольную цену.

Путята шагнул вперёд.

— Открывайте банку.

— Нельзя открыть год до закрытия сделки, с которой он связан.

— Но вы только что сказали, что его взяли неправильно.

— Неправильно положенное на чашу не перестаёт быть положенным.

— У вас и воровство становится честным, если вор успел добежать до весов? — спросила Соня.

Тихора повернулась к ней.

— Честность не правило ярмарки.

— А что правило?

— Точное исполнение названного обмена.

— Жданек ничего не называл.

— Назвал мерщик.

— Чужой год?

— Ярмарка слышит слова, а не право на слова.

Это прозвучало без торжества. Тихора не защищала порядок — она сообщала о болезни, которую давно привыкла считать устройством тела.

Ярина посмотрела на её оживший пузырёк.

— Когда вы объявляли, что цена не возвращается, там появилась память.

Тихора накрыла пузырьки ладонью.

— Не касается дела.

— Вы тоже отдали год?

— Каждый служитель отдаёт срок службы.

— Какой срок отдали вы?

— Тот, который назвала.

— И помните, как называли?

Тихора молчала достаточно долго, чтобы ответ стал ясен всем.

С краю толпы кто-то засмеялся — коротко и зло. Тихора обернулась, но не нашла смеявшегося. Людей вокруг шатра стало больше. Одни пришли за Радомировым спором, другие просто увидели неподвижные весы и решили, что начинается редкое чудо. За первыми рядами торговля продолжалась: звали покупателей, переливались вывески, пахло сахаром и горячим металлом. Но возле помоста росло другое ожидание, тяжёлое и настороженное.

— Поставьте год в чашу, — сказала Тихора Путяте. — Тогда весы покажут его связь со сделкой.

— А не проглотят?

— Пока банка открыта и вещь внутри, год останется видимым.

Ярина вынула из сумки веточку можжевельника и положила на край стекла. Хвоя не почернела. Потом коснулась банки щепотью соли. Золотой дым отпрянул, но корневая нить не затянулась.

— Ставь, — сказала она. — Я не вижу нового захвата. Если чаша начнёт закрываться, бей стекло о камень.

— Память вытечет? — спросил Путята.

— Не знаю.

— Тогда не советуй бить.

— Советую не позволять им спрятать сына ещё глубже.

Он посмотрел ей в глаза и медленно опустил банку в стеклянную чашу.

Весы ожили.

Стеклянная чаша с годом пошла вниз. Корневая, где лежала усадьба, поднялась. Между ними натянулась нить золотого света. На середине нити возникли маленькие узлы, и в каждом блеснуло лицо Сони. Она спала, шла по дороге, смеялась над чем-то рядом с отцом, кашляла в платок. Последний узел был пуст.

— Земли недостаточно, — объявил писарь. — Строений недостаточно. Воды и урожая недостаточно. Один открытый год уравнивает просьбу до весеннего равноденствия.

— То есть не исцеляет, — сказал Радомир.

— Дарует полное здоровье до названного срока.

— Я просил полное исцеление.

— Полнота относится к состоянию тела, не к длительности.

Радомир побелел.

— Вы показывали мне мальчика, который ходит уже семь лет.

— Его сделка имела иную цену.

— Вы сказали, моей земли хватит.

— Ваша земля обременена вторым владельцем, чужими посадками и старой межей. Вы не можете продать целое.

Ярина не почувствовала удовлетворения. Правота была слишком мала рядом с тем, что сделали с Жданеком.

— А если он отдаст последний год? — спросил писарь, глядя на золотую метку Радомира.

— Добровольно названный срок перевесит детский и продлит исцеление ещё на семь лет.

— Нет, — сказала Соня.

— Это решение покупателя.

— Тогда я уйду до исполнения.

— Получатель связан заявлением.

Соня шагнула с помоста. Подол её платья вздулся, словно его потянули назад. Она ухватила за край чаши, но невидимая сила развернула её к центру.

Радомир бросился к дочери. Золотая метка дёрнула его в другую сторону, к корневой чаше. На миг отец и дочь повисли между двумя требованиями ярмарки: он тянул её наружу, ярмарка — внутрь, а весы качались всё сильнее.

Ярина схватила Соню под другую руку.

— Не тяни, — сказала она Радомиру. — Плечо вывихнешь.

— Что делать?

— Назови не цену. Назови отказ.

— Она сказала, что отказ ничего не весит.

— Для весов — да. Для тебя нет.

Радомир сжал зубы. Золотая линия поднялась к ключице.

— Я не разрешаю исполнять чудо против воли Сони, — произнёс он.

Весы не остановились.

— Я остаюсь покупателем, пока не вернут год мальчику, — продолжил он. — Но покупательница не принимает исцеление. Не вливать в неё никакую память.

Невидимая сила отпустила Соню так внезапно, что все трое едва не упали. Стеклянная чаша ударилась о ветвь, но Путята удержал банку.

Писарь торопливо царапал дощечку.

— Отказ получательницы внесён. Покупатель оставляет дело открытым. За хранение открытого года взимается память одного дня с каждого свидетеля на рассвете.

В толпе зашумели. Те, кто пришёл поглазеть, попятнулись.

— Мы не соглашались, — крикнула корзинщица.

— Присутствие у открытых весов является свидетельством.

— Вы сами позвали людей!

— Ярмарка никого не зовёт.

Ярина вспомнила голос Мирона у ворот, розового петушка, белые искры над палатками. Ярмарка звала на каждом шагу, только никогда не называла зов приглашением.

— Закройте весы без исполнения, — потребовала она.

— Для закрытия нужно либо оплатить просьбу, либо отозвать её, — сказала Тихора.

— Я отзываю, — сказал Радомир.

Корневая чаша резко опустилась. Деревянная мерка перевернулась, и из неё посыпались сухие листья. Ярина узнала узкие серебристые пластинки, но не сразу поняла, что именно видит. Листья были измяты, смешаны с землёй и крупинками соли.

— Это не наше, — сказал Радомир.

Ярина взяла один лист. Нижняя сторона была белёсой, верхняя — тёмной, почти чёрной под огнями. Запах оказался терпким и тёплым. Так пахло в доме Неды по вечерам, когда та варила настой для сердца.

— Пустырник, — сказала Ярина.

Жданек посмотрел на лист и повторил:

— Пустырник.

Слово отозвалось в стеклянной чаше. Золотой дым толкнулся к стенкам, но не к мальчику — к мерке.

Из толпы раздался женский вскрик.

Неда протискивалась между людьми, придерживая одной рукой платок, другой — грудь. Железных ножниц на её поясе не было. С ней шла Лада; девочка тянула старуху за локоть и кричала, чтобы дали дорогу.

— Ярина! — позвала Неда. — Там в воротах мужчина говорил твоим голосом. Сказал, тебе плохо. Я пошла... а потом не знала, куда.

Она поднялась на помост и остановилась перед листом в Яриной руке.

— Что это? — спросила она.

Ярина сперва решила, что Неда не разглядела.

— Ты сама сушила. Я дала тебе связку в начале лета.

— Чего?

— Пустырника.

Старуха повторила слово одними губами. Лицо осталось пустым.

— Не знаю такой травы.

— Ты пьёшь её каждый вечер.

— Я ничего не пью.

Ярина взяла Неду за запястье. Пульс бился часто, неровно, будто птица металась под кожей.

— Сегодня утром ты выпила двойную кружку настоя. Я велела тебе до вечера больше не заваривать.

Неда выдернула руку.

— Не было тебя у меня утром.

— Ты сидела у окна. Ругалась на горький вкус. Мироновы ножницы висели у тебя на поясе.

При имени мужа Неда побледнела.

— Какие ножницы?

Ярина посмотрела на пустой кожаный ремешок. На нём осталась ржавая дуга от железа.

— Маленькие. Мирон подрезал ими фитили. Ты носишь их после его смерти.

— Мирон жив.

Лада прижала ладонь ко рту.

Неда оглядела лица вокруг, и тревога в её взгляде стала страхом.

— Он ушёл на мост, — сказала она. — К ночи вернётся. Зачем вы говорите про смерть?

Ярина знала год, в который умер Мирон. Три года назад, после раннего ледохода. Неда потеряла не сегодняшний день и не несколько часов. Кто-то открыл её жизнь там, где ещё был жив муж, и отрезал всё позднейшее.

— Какой сейчас год от последней ярмарки? — спросила Ярина.

Неда сердито вскинула подбородок.

— Четвёртый. Сама считать разучилась?

Сейчас был седьмой.

— Она потеряла три года, — сказал Путята.

— Нет, — ответила Ярина. — Она потеряла один год, но именно в нём Мирон умер. Всё, что строилось на его смерти, могло рассыпаться следом. Если она не помнит похорон, ей незачем помнить, как начала носить ножницы. Если не помнит, как я назначила пустырник после той зимы, не узнаёт и настой.

— Но листья были в мерке, — сказала Соня.

Ярина повернулась к корневой чаше. Среди комков земли и щепы лежала целая горсть пустырника. Эти листья не могли попасть туда случайно. Зерновая мерка стояла в их общей западной комнате. Неда часто заходила к Ярине и зимой сидела там у печи, перебирая травы. Но для доступа к её году ярмарке нужна была вещь, долго бывшая при самой Неде.

— Где ножницы? — спросила Ярина.

— Какие ещё ножницы? — повторила старуха.

— Те, что висели у тебя утром.

Лада подняла руку, как на уроке.

— Их взял человек у ворот. Сказал, железо нельзя нести на весы.

— Какой человек?

— Тот тонкий, который ходит с палкой и меряет.

Мерщик.

Ярина сжала лист так сильно, что он раскрошился в пальцах.

— Когда?

— Неда-бабушка стояла возле дороги и спрашивала, где дом. Он снял ножницы и завернул в серую тряпку. Потом сказал мне довести её сюда, раз я свидетель.

На дальней ветви весов что-то звякнуло. Из темноты опустилась маленькая медная чаша. В ней лежал свёрток серой ткани.

Тихора приказала писарю:

— Развернуть.

— Это отдельное обеспечение.

— К какому делу?

— К этому.

— Кто назначил?

Писарь сглотнул.

— Мерщик Лосвий.

— На каком основании?

— Возражение совладелицы увеличило недостающее. Мерщик принял память ближайшего свидетеля дома.

Радомир уставился на него.

— Я не называл её.

— Вы называли любое недостающее.

— До того, как мне показали цену.

— Намерение действует с момента кровной метки.

Ярина развернула серую ткань сама. Ножницы были внутри. Небольшие, с тёмными кольцами, одно лезвие короче другого. К ним прилипла тонкая золотая нитка. Она тянулась через воздух к пустырнику в мерке, а оттуда — к Неде.

Старуха увидела ножницы и попятилась.

— Не мои.

— Твои, — сказала Ярина. — Посмотри на кольцо. Мирон обмотал его красной ниткой, чтобы ты не путала с большими.

— Мирон не даёт мне своих вещей.

— Дал после того, как перестал выходить на мост.

Ярина не сказала «после смерти». Не сейчас, на помосте, где каждое названное слово могло стать крючком.

Она поднесла ножницы к Недовой руке, не вкладывая. Пальцы старухи сами раскрылись на нужную ширину. Большой палец лёг в маленькое кольцо, безымянный — в большое. Она дважды щёлкнула лезвиями и привычно провела ими по краю передника, снимая приставшую травинку.

— Тело помнит, — сказал Жданек.

Ярина кивнула.

— Тело помнит.

Неда испуганно бросила ножницы. Те повисли на золотой нити и не упали.

В этот миг одна из пустых стеклянных чаш наполнилась дымом. Не золотым, как у Жданека, а зелёно-серым. В нём возникла кухня Неда: окно в сад, глиняный горшок, пучки трав под потолком. Сама Неда стояла у стола и считала капли настойки. Мироновых сапог у двери уже не было. Потом картина сменилась: Неда сидела на лавке, а Ярина показывала ей пустырник и заставляла произнести название трижды.

— Пу-стыр-ник, — сказала память в чаше Недовым голосом.

Настоящая Неда зажала уши.

— Уберите!

— Это ваш год, — сообщил писарь. — Он принят в покрытие недостающего.

— Я вам ничего не давала!

— Вещь передана у ворот.

— Он снял её сам!

Тихора резко повернулась к писарю.

— В книге есть слова владельца?

— Есть отсутствие возражения.

— Я спросила о словах.

— Нет.

Первый пузырёк на её шее засветился ярче. Теперь в нём можно было различить крошечные пальцы, завязывающие узел на корневой нити. Тихора увидела их тоже и замерла.

— Вы помните эти руки? — спросила Ярина.

Распорядительница спрятала пузырёк за ворот одежды.

— Не сейчас.

— А когда? На следующей ярмарке, через семь лет? Сколько людей к тому времени забудут названия своих трав, лица детей и могилы мужей?

— Пока весы открыты, я обязана завершить взвешивание.

— Тогда взвешивайте всё, — сказала Ярина. — Не только то, что удобно торговцам. Она подняла пустырник.

— Вот след в теле: Неда пришла ко мне утром с учащённым сердцем после слишком крепкого настоя. Вот вещь: ножницы Мирона, снятые без её согласия. Вот свидетели: я видела ножницы на ней утром, Лада видела, как их забрал мерщик. Назовите это так, как оно есть.

Тихора посмотрела сначала на Ярину, потом на Ладу.

— Ты видела передачу?

Девочка кивнула.

— Он сказал: железо нельзя на весы. Неда-бабушка спросила, зачем. Он уже снял.

— Она разрешила?

— Нет.

— Ты уверена?

— Она ударила его по руке.

По толпе прошёл гул. Теперь люди отступали не от весов, а ближе к ним. Несколько человек начали проверять карманы и пояса. Женщина в меховой безрукавке сорвала с шеи медальон и спрятала за пазуху. Мужчина у самого шатра закричал, что потерял отцовский гребень.

Писарь поднял дощечку.

— Беспорядок не меняет меру.

— Меняет свидетельство, — сказала Ярина. — Вы прятали владельцев за вещами. Теперь владельцы стоят перед вами.

Тихора подошла к чаше с Недовой памятью. Зелёно-серый дым облепил стекло изнутри. Она протянула руку, но не коснулась.

— Тело, вещь и два свидетеля, — произнесла она так тихо, что слышали только стоявшие на помосте.

Ярина насторожилась.

— Что?

— Старое правило возврата. Не действующее.

— Почему?

— Потому что его некому исполнить.

— Вы распорядительница.

— Я закрываю сделки, а не возвращаю цену.

— Кто возвращал раньше?

Тихора коснулась первого пузырька на шее. В золотом дыму снова появились детские пальцы. На этот раз они не завязывали узел, а развязывали.

— Не помню, — сказала она.

Честное признание прозвучало страшнее очередной ярмарочной уловки.

Неда пошатнулась. Ярина успела подхватить её и усадила прямо на край помоста. Пульс под пальцами сбивался после каждого шестого удара.

— Соня, в моей сумке синий мешочек. Достань три сухих цветка боярышника.

Соня нашла мешочек, отсчитала цветы и положила Неде на язык. Старуха попыталась выплюнуть.

— Жуй, — приказала Ярина. — Не глотай сразу.

— Ты кто такая, чтобы мне приказывать?

Слова ударили больнее, чем Ярина ожидала. Три года назад, после похорон Мирона, Неда прожила у неё почти месяц. Вместе они пересаживали мяту, спорили о соли в похлёбке, штопали рубахи. Неда знала, где в доме скрипит ступенька и какую чашку Ярина прячет от гостей. Теперь перед ней сидела женщина, для которой ничего этого не случилось.

Ярина заставила себя не отвести взгляд.

— Я травница. Ты пришла ко мне за помощью утром. Сейчас твоё сердце бьётся неровно. Пожуй цветы, а потом можешь снова на меня сердиться.

Неда подчинилась не памяти, а уверенности голоса. После нескольких вдохов дрожь в её руках ослабла.

— Пустырник нельзя ей сейчас, — сказала Ярина громко, чтобы слышал писарь. — Утром она приняла слишком много. Потеряв назначение, она могла выпить ещё и умереть. Украденный год — не картинка в банке. Это знание, от которого зависит тело сегодня.

Стеклянная чаша с Недовой памятью опустилась. Корневая чаша с домом поднялась почти до ветвей. Весы наконец признали тяжесть последствий — или всего лишь тяжесть нового имущества. Ярина не знала, что хуже.

Писарь посмотрел на дощечку.

— Два открытых года покрывают полное исцеление до следующего семилетия.

Радомир шагнул к чаше и смахнул из неё свою зерновую мерку. Та упала на помост, раскололась по старой трещине. Земля, щепка, груша и пустырник рассыпались по обе стороны межи.

— Я отзываю просьбу, — сказал он. — Целиком. Без хранения, без замены, без отсрочки. Золотая линия на его руке вспыхнула. Радомир вскрикнул, но не отступил.

— Названное намерение нельзя отозвать после взвешивания, — объявил писарь.

— Тогда я не отзываю намерение спасти дочь. Я отзываю ваш способ.

— Способ входит в чудо.

— Нет, — сказала Соня. Она встала рядом с отцом. — Чудо обещало моё здоровье. Кражу вы спрятали в цене. Мы разделяем их сейчас.

Чаши задрожали. По белым опорам побежали тонкие трещины, будто весы не умели удерживать отдельно желание и способ его исполнения.

Тихора подняла обе руки.

— Взвешивание приостанавливается до третьей звезды. Открытые годы остаются при весах. Вещи-свидетели не выносить. Покупатель и получатель не могут покинуть ярмарку. Возвращающаяся совладелица обязана представить основание разделения просьбы и цены.

— Какое основание? — спросила Ярина.

— Названное до сделки или сохранённое в старом праве этой земли.

— А если не представляю?

— Годы будут приняты. Чудо исполнено. Дом и сад перейдут ярмарке в меру названной доли.

— Если представляю?

— Весы отделят просьбу от цены и рассмотрят их заново.

Над шатром зажглась ещё одна звезда. До третьей оставалось меньше часа.

Ярина посмотрела на расколотую мерку. На внутренней стороне одной половины проступили тёмные зарубки. Их делал дед, когда делил урожай между двумя дворами. Рядом были вырезаны буквы, забитые мукой и временем. Ярина различила только начало: «Вода общая...»

Документ о старом праве мог лежать в сундуке Велемира. Радомир отдал сундук писарю, но ещё не поставил на весы. А дом, где хранились другие записи, стоял по ту сторону ярмарочной дороги.

— Мне нужен доступ к усадьбе, — сказала Ярина.

— Возвращающая сторона может осмотреть имущество, — ответила Тихора. — До третьей звезды.

— И вещи при нём?

— Только те, что не внесены как свидетели цены.

Ярина подняла половину мерки с зарубками.

— Эта расколота и сброшена покупателем.

— Значит, пока ничья.

— Хорошо. Я беру ничью половину.

Писарь открыл рот, но Тихора остановила его взглядом.

Путята указал на две стеклянные чаши.

— А наши дети и старики останутся здесь?

— Банки останутся, — сказала Ярина. — Вы тоже. Не позволяй никому закрыть воск или вынуть вещи. Лада — второй свидетель Неды. Соня, следи за её сердцем: если губы посинеют или она перестанет отвечать, зови меня через любой ярмарочный колокол.

— Я пойду с тобой, — сказал Радомир.

Золотая линия на его плече натянулась к весам и не дала сделать шага.

— Не пойдёшь.

— Сундук мой.

— Поэтому скажешь писарю выдать его на осмотр совладельцу.

Радомир посмотрел на расколотую мерку, потом на Неду, которая всё ещё жевала боярышник и исподлобья следила за незнакомой травницей.

— Ярина, я не знал.

— Ты согласился на неизвестное недостающее.

— Я думал, возьмут у меня.

— Ты не спросил.

— Да.

Он произнёс это без оправдания. Ярина могла бы ударить ещё раз, перечислить всё, о чём предупреждала, но третья звезда не стала бы ждать окончания семейной ссоры.

— Потом, — сказала она. — Если сохраним то, что помнить.

Неда подняла голову.

— Мирон правда не придёт?

Ярина опустила перед ней на колени.

— Сегодня — нет.

— А завтра?

— Я расскажу тебе, когда верну то, что поможет услышать.

— Ты обещаешь?

Перед глазами Ярины стоял зелёно-серый дым. Она не имела права обещать чужую память, пока не знала, как открыть банку.

— Обещаю не позволить им назвать твою жизнь своей ценой, — сказала она.

Неда недовольно поджала губы.

— Слишком хитрые слова.

— Других честных у меня сейчас нет.

Старуха подумала и кивнула.

Ярина встала. В одной руке у неё была половина семейной мерки, в другой — лист пустырника. Обычная трава, которую любой деревенский ребёнок узнавал у канавы, стала доказательством целого украденного года. Неда забыла её имя, но сердце всё ещё жило по назначению, данному после смерти Мирона. Тело хранило след. Ножницы хранили прикосновения. Лада и Ярина хранили сегодняшний отъём.

Тело, вещь и два свидетеля.

Старое правило существовало. Кто-то убрал из него не слова, а человека, способного исполнить возврат. Возможно, Тихора сама когда-то умела развязывать корневые нити и заплатила именно этим годом за право распоряжаться ярмаркой.

Чтобы спасти Жданека и Неду, мало было доказать кражу. Нужно было вернуть распорядительнице её собственное забытое правило или найти его запись в доме, который Радомир уже поставил на весы.

Ярина спрыгнула с помоста. За спиной чаши снова начали тихо постукивать. Два чужих года висели над головами, как созревшие плоды, и ярмарка уже считала их своими.

До третьей звезды ей предстояло доказать, что дом на двух межах помнил закон лучше тех, кто им торговал.

Глава 5. Дом на двух межах

От весов к усадьбе вела дорога, которой не было днём.

Она шла поверх ярмарочных рядов узким настилом из серых досок. Внизу торговались за молодость, удачу и голоса умерших, а Ярина ступала над вывесками, прижимая к боку половину расколотой мерки. Лист пустырника она завернула в платок и убрала отдельно. После случившегося у весов даже сухая трава казалась не лекарством, а чьим-то показанием.

Писарь послал с ней берестяного стража. Тот не разговаривал. Из прорезей маски смотрели спокойные человеческие глаза, но при каждом шаге из его дубинки вырастал новый лист, а старый засыхал и падал. Ярина считала листья вместо минут. До третьей звезды могло остаться сорок, а могло двадцать.

Настил вывел её к саду. Ярмарочная дорога рассекала грядки ровной каменной полосой. Спасённые кусты зверобоя лежали под влажной тканью, повреждённый куст темнел у плиты. Дом за ним выглядел чужим. На западной половине окон горел янтарный свет, на восточной — синий. По коньку крыши тянулась золотая черта, повторяя старую межу в земле.

— Этого не было, — сказала Ярина.

Страж постучал дубинкой по дороге. На ближайшей плите выступили слова: «Выставленное показывает делимость».

— Дом неделим, — ответила она.

На плите появилась новая строка: «Названная половина должна быть видна».

— Видна — не значит существует.

Страж снова стукнул, но надпись не изменилась.

Калитка пропустила Ярину и захлопнулась перед ним. Знак круга с тремя корнями на доске был рассечён пополам. Страж попробовал толкнуть створку. Дерево не поддалось.

Ярина невольно улыбнулась.

— Дом тебя не признаёт.

Он указал на мерку в её руке, потом на замок. Она поняла: вещь из дома дала ей право войти, а ярмарочному стражу — нет.

— Оставайся. Если начнёшь ломать, позову свидетелей.

Страж опустил дубинку. Листья на ней продолжили отмерять время.

В сенях пахло золой, сушёными яблоками и сырой землёй, которую натаскали с ярмарочной дороги. Ярина закрыла дверь на засов. Золотая линия над потолком разделяла дом не по стене: проходила через полку, печь, край большого стола. Так никто не делил жильё. Западная комната принадлежала Радомиру по уговору последних лет, но печью пользовались вместе, воду носили из одного колодца, крышу чинили с одной лестницы.

На столе стояли две глиняные миски. Одна светилась янтарём, другая синим. Между ними лежала ложка, рассечённая золотой полосой вдоль ручки.

Ярина смахнула миски на пол. Они не разбились, а превратились в серую пыль. Ложка осталась обычной деревянной ложкой.

— Вот и вся делимость, — сказала она дому.

Дом скрипнул верхней балкой.

Сундука Велемира в западной комнате не было. На его месте остался светлый прямоугольник и четыре вмятины от ножек. Ярина опустилась на колени. В одной вмятине блестела серая пыль, такая же, как на застёжке деревянной книги. Писарь уже забрал сундук, но след от него мог быть вещью-свидетелем — свидетельством не человека, а места.

Она приложила к вмятине расколотую мерку. Тёмные зарубки на дереве налились влагой. Буквы проступили яснее: «Вода общая, плод поровну».

Этого хватало для колодца и старых груш, но не для дома. Ярина провела пальцем по дощатому полу. Отец рассказывал, что дед Велемир спрятал первый уговор под порогом, когда чиновник соседнего удела потребовал выбрать одну сторону границы. Тогда семья отказалась, потому что выбор лишил вторую ветвь воды.

У западной двери порог был новый. Радомир сменил его пять лет назад, после того как старый прогнил. Ярина помнила спор: она хотела дуб, он принёс сосну, потому что не собирался ждать телегу из города. Старую доску пустили на растопку.

Она закрыла глаза и восстановила тот день. Радомир выдёргивал ржавые гвозди. Соня, ещё здоровая, сидела на ступеньке и строгала щепку. Под доской нашли медную монету, два высушенных боба и свернутую бересту. Бересту Радомир назвал трухой. Ярина отнесла её в восточную комнату, чтобы потом разобрать, и забыла среди материнских тетрадей.

Золотая линия пересекала дверь восточной комнаты. Когда Ярина взялась за ручку, синий огонь вспыхнул и обжёг ладонь. На дереве появились слова: «Не входит в названную долю».

— Я совладелица неназванной доли.

Огонь не погас.

Она подняла половину мерки. Зарубки на ней совпали с насечками на косяке: по ним когда-то отмечали рост детей обеих семей. Дерево в её руке потяжелело, дверь открылась.

Материнские тетради стояли в нижнем ящике шкафа. Ярина вытащила их все, чихая от пыли. Между записями о родах коров, сборах трав и долгах соседей лежала береста, ломкая по краям. Строки на ней выцвели. Она поднесла её к синему свету, затем к янтарному, но каждый показывал только половину букв.

Ярина положила бересту поперёк золотой линии на полу.

Текст проступил целиком.

«Дом поставлен Велимиром и братом его Остратом над старою межою, дабы вода, печь и кров служили обеим ветвям. Ни одна ветвь не продаёт доли чужому без слова другой. Если одна просит спасения у Корня, другая называет меру, дабы просьба не стала ценой невольного. Вода общая, плод поровну, память каждому своя».

Под строками стояли два отпечатка ладоней. Один широкий, с кривым мизинцем, другой узкий. Между ними был вдавлен круг без корней.

Ярина перечитала последний ряд.

Память каждому своя.

Не запрет на чудо. Не отказ от помощи. Старый уговор разделял просьбу и цену именно так, как требовала Тихора. Велимир и Острат уже сталкивались с ярмаркой и заранее защитили потомков.

Почему же никто не помнил?

Она перевернула бересту. На обороте темнело пятно, похожее на след воска. К нему прилип короткий рыжий волос и крупинка соли. Рядом была процарапана дата — семь ярмарок назад.

Сорок девять лет. Велимир тогда был молод. Значит, ярмарка приходила к этому дому не впервые и прежний спор закончился правилом, которое нынешние торговцы либо забыли, либо предпочли не читать.

Снаружи ударила дубинка. На двери возникла надпись: «Осталась четверть срока».

Ярина свернула бересту вместе с половиной мерки и сунула за пазуху. Но сундук Велемира всё ещё был у писаря. В нём могли лежать продолжение уговора и вещи, через которые торговцы доберутся до Радомира. Оставить его означало позволить им открыть ещё один год, если двух украденных окажется мало.

Она вышла в сени. Золотая линия на потолке стала шире. Теперь западная половина дома казалась дальше, чем прежде, словно между комнатами вытягивался коридор. Дверь, до которой было три шага, отступила на десять.

Ярина шагнула. Пол под ногами поплыл назад.

— Дом не делится, — сказала она и поставила ногу на золотую черту.

Боль прошла от пятки до затылка. Перед глазами вспыхнул чужой вечер: Велимир и Острат сидели по разные стороны стола, между ними стояла банка с серебряным дымом. Молодая женщина держала на руках ребёнка. Кто-то за дверью говорил, что одного года хватит на спасение от горячки.

Видение исчезло. Ярина стояла на колене, вцепившись в половицу. Золотая линия под ладонью пульсировала.

Дом помнил прежнюю сделку.

— Покажи, что было дальше.

Линия обожгла сильнее. Ярина увидела две ладони на бересте, круг без корней и Тихору — моложе или просто с живым взглядом. На её шее не было пузырьков. Она развязывала корневую нить на банке и говорила: «Просьба принадлежит просящему. Цена — только дающему».

Потом Велимир разбил печать круга с тремя корнями. Не уничтожил ярмарку — отделил один корень от двух других. Серебряный дым вернулся к человеку за дверью. Ребёнок на руках женщины остался больным.

Последняя картина была самой короткой: Острат нёс ребёнка через снег к лекарю. Велимир поддерживал женщину. Они не получили чуда, но вышли вместе.

Ярина отдёргнула руку.

Теперь она знала, что старое право не было красивой фразой. Его уже исполняли. Тихора умела возвращать память до того, как отдала этот год службе.

В западной комнате что-то тяжело упало.

Ярина преодолела растянувшийся коридор, держась за стену. У окна стоял сундук Велимира.

Его не было минуту назад.

Теперь он занимал прежнее место, но вокруг ножек вился золотой корень. Крышка была приоткрыта. Внутри лежали рубахи, связка писем и детская деревянная дощечка с выжженной буквой «Р». Поверх вещей белела записка писаря: «Имущество доставлено для осмотра. Изъятие считается согласием на включение в цену».

Ловушка была слишком явной. Писарь разрешил осмотр, но надеялся, что Ярина возьмёт письмо или дощечку и тем подтвердит право ярмарки на весь сундук.

Она не коснулась ни одной вещи. Принесла со стола две длинные кочерги, подцепила ими связку писем и разложила листы на полу, не вынося из сундука окончательно. Страж за дверью ударил один раз, но калитку не пересёк.

Письма принадлежали Велимиру. Большинство были хозяйственными: о покупке телёнка, починке крыши, долгах за муку. В нижнем конверте Ярина увидела знакомый круг без корней. Раздвинула края кочергами.

«Распорядительнице Тихоре от владельцев дома на двух межах», — начиналось письмо.

Дальше Велимир подтверждал уговор: никакой срок нельзя назвать за другого человека, вещь свидетельствует только дни прикосновения, получатель чуда вправе отказаться, а при споре просьбу отделяют от цены до решения. Внизу стояла приписка рукой Тихоры: «Принято на семь открытий Корня».

Семь открытий истекали сегодня.

Вот почему мерщик спешил выставить дом до рассвета. Старое право ещё действовало эту ночь, а со следующей ярмарки исчезло бы само. Кто-то знал срок и выбрал усадьбу не только ради земли.

Ярина запомнила письмо строка за строкой. Забрать его нельзя. Но можно принести свидетелей сюда.

Она оглянулась на окно. За стеклом стоял берестяной страж. Рядом с ним появилась Лада.

Девочка тяжело дышала, будто бежала всю дорогу.

— Неда-бабушка хуже! — крикнула она через стекло. — И у чаши вырос воск!

Ярина распахнула окно.

— Тихора где?

— Держит чашу. Сказала позвать тебя.

— Видишь письма на полу?

Лада вытянула шею.

— Вижу.

— Позови второго человека, который умеет читать.

— Берест умеет.

— Не Береста. Он принёс ярмарке деревенскую книгу.

Девочка задумалась.

— Учительница Злата у палатки молодости.

— Веди её сюда. Ничего не трогайте. Прочитаете письмо вслух друг другу через окно.

Потом идите к весам и повторите.

— А ты?

— Понесу основание.

Ярина показала бересту за пазухой.

Страж ударил дубинкой. На подоконнике выступили слова: «Изъятие домашней записи включает дом в цену».

— Она была в моей половине, — сказала Ярина.

«Дом един».

— Наконец-то мы согласны.

Надпись исчезла. Золотая черта на крыше дрогнула.

Если дом един, Радомир не мог продать западную половину отдельно. Если дом делим, Ярина имела право вынести запись из своей части. Ярмарка сама загнала себя между двумя названиями.

Ярина вышла через дверь. Страж поднял дубинку, преграждая дорогу. На коре возникло: «Вернуть запись».

— Сначала реши, чей дом.

«Выставлена западная доля».

— Тогда запись из восточной не ваша.

«Печь, вода и кров общие».

— Значит, доля неотделима без моего слова.

Листья на дубинке разом осыпались. Страж остался с голой веткой и отступил.

Ярина побежала по серому настилу. Внизу ярмарка больше не казалась праздником. У лавок люди выворачивали карманы, требовали показать принятые вещи, звали родных по именам. Торговцы закрывали пологи. От центрального шатра к воротам двигались берестяные стражи.

Над весами горели две звезды. Третья проступала бледным пятном.

Когда Ярина добралась до помоста, Неда лежала на боку, подложив ладонь под щеку. Соня держала её запястье. Путята прижимал обе банки к краям чаш, не давая золотому воску сомкнуться на горлышках. Радомир стоял на коленях: метка дошла до шеи.

— Нашла? — спросил он.

Ярина развернула бересту на расколотой зерновой мерке. Две половины дерева сошлись под ней, и надпись стала видна всем.

Тихора прочитала молча. Первый пузырьёк на её шее треснул.

Из него вытекла не жидкость, а память: молодые руки над серебряной банкой, голос Велимира, больной ребёнок, круг без корней. Тихора качнулась и ухватилась за весы.

— Семь открытий, — сказала Ярина. — Нынешнее седьмое. Уговор действует до рассвета. Ни одна ветвь не продаёт дом без другой. Просьба не становится ценой невольного. Память каждому своя.

— Оттисков владельцев недостаточно, — вмешался писарь. — Нужна запись распорядителя.

— Она в сундуке. Два свидетеля читают её сейчас.

— Письмо не вынесено к весам.

— Потому что вы объявили изъятие согласием на продажу. Но правило возврата требует свидетелей, а не перенос вещи.

Тихора подняла голову. В её глазах впервые было не пустое спокойствие, а узнавание.

— Просьба принадлежит просящему, — произнесла она. — Цена — только дающему.

Корневая чаша с землёй рухнула на помост. Стеклянные чаши с годами взлетели вверх, и воск отступил от горлышек.

Радомир упал на руки. Золотая метка на шее погасла, оставив серый ожог.

— Сделка разделена, — объявила Тихора. — Дом и сад не могут быть приняты без слова обеих ветвей. Годы Жданека и Неды не могут быть ценой просьбы Радомира.

Путята вскрикнул от облегчения.

— Возвращайте их.

Тихора посмотрела на треснувший пузырьёк.

— Разделение не есть возврат. Банки больше не принадлежат сделке, но нити всё ещё завязаны мерщиком.

— Вы вспомнили, как развязывать, — сказала Ярина.

— Одно движение. Не весь порядок.

— Значит, найдём остальное.

У края помоста появился мерщик Лосвий. В одной руке он держал Мироновы ножницы, хотя минуту назад они висели над чашей. В другой — деревянную лошадку Жданека.

— Ищите быстро, — сказал он. — Вещь без свидетеля помнит лишь прикосновение. А свидетели иногда забывают.

Он сомкнул ножницы на золотых нитях.

Ярина бросилась к нему, но между ними выросла стена из корней. За ней Лосвий исчез вместе с обеими вещами.

Третья звезда вспыхнула полностью.

Два украденных года больше не оплачивали Сонино чудо. Дом остался у родичей на равных правах. Но без ножниц и лошадки вернуть память было нельзя.

Ярина прижала к груди старый уговор. Теперь она знала закон.

Следующим нужно было вернуть его свидетелей.

Глава 6. Вещь-свидетель

Корни опали на помост, едва Лосвий исчез.

Они не ушли в землю и не рассыпались трухой. Толстые, белёсые, они лежали между весами и толпой, медленно свиваясь в кольца, будто слепые черви искали нору. На срезах блестяли золотой сок. Там, где капля касалась доски, проступал крошечный круг с тремя отростками.

Ярина перескочила через ближайший корень.

— Куда он мог уйти?

Тихора смотрела на пустое место за стеной. Треснувший пузырёк на её шее продолжал выпускать тонкую золотую струйку. Струйка тянулась к её виску, но не входила в кожу, а растекалась по щеке холодным светом.

— Служитель идёт туда, где его мера, — сказала она.

— Где мера Лосвия?

— Не помню.

Ярина схватила её за запястье.

— Тогда вспоминай не место. Вспоминай руки. Он перерезал нити. Зачем?

Тихора посмотрела на пальцы Ярины, потом на собственную ладонь. Медленно согнула большой палец, прижала его к безымянному и сделала движение, словно затягивала невидимый узел.

— Связанная нить ведёт от вещи к году. Разрезанная ведёт от года к вещи.

— Это одно и то же.

— Для человека — да. Для Корня — нет.

Корни под ногами качнулись разом. Один обвил ножку весов и потянул. Путята подхватил банку Жданека, Соня — банку Неды. Золотой дым внутри обеих метнулся к стеклу, словно услышал знакомый голос.

— Он уносит вещи, чтобы спрятать годы? — спросила Соня.

— Чтобы открыть их заново, — ответила Тихора. — После разреза прежний хозяин больше не удерживает вход. Первый, кто назовёт срок над вещью, станет свидетелем вместо него.

Ярина отпустила её руку.

До этой минуты она думала, что Лосвий украл ножницы и лошадку ради торга. Без них нельзя было вернуть память, значит, можно было заставить Путятю и Неду согласиться на любую цену. Но мерщику не требовалось согласие. Он собирался снова открыть уже вынутые годы и переписать их так, чтобы вещь свидетельствовала не о Жданеке и Неде, а о том, кого назовёт он.

— Он может отдать Жданеков год другому человеку?

— Год нельзя отдать другому, — сказала Тихора. — Можно назвать другого владельца вещи. Тогда память попытается узнать чужое тело. Не узнает. Разорвётся на дни, которые ярмарка примет россыпью.

— И что будет с Жданеком?

Тихора коснулась второго пустого пузырька.

— Он останется без года. Но доказать, чей это год, станет труднее.

Путята выругался и прижал банку к груди.

— Где этот мерзавец?

Никто не ответил. Ярина оглядела ярмарку.

После третьей звезды проходы переменились. Ещё недавно от весов было видно ворота, шатёр лекаря, ряды тканей и круглую печь, в которой пекли хлеб с любым выбранным вкусом.

Теперь палатки стояли плотнее. Пологи касались друг друга, огни висели низко, и каждый проход раздваивался через пять шагов. Над одним рядом серебряными буквами горело «Утраченное», над другим — «Неназванное», над третьим не было вывески вовсе. Люди метались между лавками и возвращались к весам с противоположной стороны.

Лосвий был мерщиком. Он знал, как ярмарка складывает расстояния.

Ярина — нет.

Зато она знала вещи.

— Неда, — позвала она.

Старая женщина лежала у основания помоста, укрытая Путятиным кафтаном. Её лицо осунулось. Она по-прежнему не узнавала ни Ярину, ни Ладу, зато всё время поворачивала голову к пустому месту у пояса, где прежде висели Мироновы ножницы.

Ярина опустила рядом.

— Твои руки помнят ножницы?

— Чьи? — насторожилась Неда.

— Твои. Не спрашиваю, помнишь ли ты человека. Покажи, как ты срезаешь нитку с мешка.

— Я не девка на побегушках.

— Знаю. Поэтому сделаешь лучше меня.

Она протянула Неде стебель зверобоя из своей сумки. Нижние листья помялись, но верхушка сохранила пять жёлтых цветков. Неда взяла стебель левой рукой. Правая сама потянулась к поясу, пальцы раскрылись на ширину маленьких ножниц и дважды сжались.

Неда удивлённо посмотрела на пустую руку.

— Были тут.

— Куда они тянут?

— Железо никуда не тянет.

— Закрой глаза. Представь, что режешь стебель. Не вспоминай. Просто сделай.

Неда провела сложенными пальцами поперёк зверобоя. На втором движении золотой дым в её банке ударился о стенку. Соня едва удержала сосуд. Тонкая светлая нить выползла из-под крышки, обвила Недино запястье и протянулась над ярмаркой.

Она вела не в один из проходов, а вверх, к подвешенным огням. Там разделялась на десятки коротких отростков, каждый уходил к лавке, где лежали ножи, иглы, ключи или садовые ножницы.

— Железо зовёт железо, — сказала Тихора. — Этого мало.

Ярина вложила стебель между Нединых пальцев.

— Что ты резала последним?

Старуха поморщилась.

— Не знаю.

— Тело знает. Сожми пальцы.

Неда послушалась. На зелёной коже осталась вмятина, слишком близко к цветкам. Так срезали не для сушки и не для настоя. Так отрезали один цветущий конец, чтобы вложить куда-то маленькое.

Лада ахнула:

— Она Мирону в могилу клала зверобой. Я видела. Бабушка сказала, чтоб он дорогу домой не потерял.

Неда открыла глаза.

— Какая могила? Мирон у сестры гостит.

Лада закусила губу, но не отвела взгляд.

— Руки не забыли, бабушка.

Светлая нить задрожала. Все ложные ответвления лопнули, кроме одного. Оно уходило к тёмному проходу между лавкой ключей и балаганом, где куклы спорили голосами зрителей.

— Пойдём по ней, — сказала Ярина.

— Я с тобой, — Соня поставила банку Неды рядом с Жданековой.

Радомир поднялся с колен. Серый ожог на его шее налился кровью.

— Ты останешься у весов, — сказала Ярина.

— Он украл вещи из-за моей сделки.

— И потому ты будешь держать банки открытыми. Если Лосвий назовёт новый срок, нить дёрнется. Не давай воску закрыть горлышки.

— Я могу идти.

— Можешь. А Соня может остаться здесь и смотреть, как ты снова выбираешь за неё.

Радомир вскинул голову. Соня не вступилась за него. Она взяла отца за руку и положила его ладонь на банку Жданека.

— Держи, папа.

Он хотел спорить, но золотой дым обвинил его пальцы. Радомир стиснул стекло обеими руками.

С Яриной пошли Соня и Лада. Путята остался при банках вторым свидетелем, Тихора — у весов, чтобы не дать писарю возобновить сделку. Жданек сидел рядом с отцом и вырезал ногтем лошадиную голову на мягком воске. Он не помнил своей игрушки, но всякий раз, когда линия от банки вздрагивала, его большой палец гладил невидимую гриву.

Неда хотела подняться сама. Ноги не удержали её. Ярина велела Ладе взять бабушкину руку и вести, не таща. Старуха прошла первые ступени боком, как человек, спускающийся в темноте по знакомой лестнице. Светлая нить тянулась от её запястья к проходу.

У первой развилки она ушла направо. Ярина повернула за ней и оказалась перед теми же весами.

— Мы не поворачивали назад, — сказала Соня.

— Здесь расстояние служит лавкам, — ответила Ярина. — Значит, нельзя идти к месту.

Она посмотрела на Недины пальцы. Те всё ещё сжимались, отрезая цветок для мёртвого мужа.

— Надо идти к поступку.

— Как?

Ярина сняла с плеча сумку и отдала Соне.

— Лосвий назвал вещи товаром. Мы называем их тем, чем они были.

Она шагнула в тот же проход и громко произнесла:

— Эти ножницы срезали зверобой для Мироновой могилы.

Палатки качнулись. Проход не замкнулся, но впереди выросла лавка с десятками погребальных венков. Продавщица в белом протянула Неде венок из свежих васильков.

— Для мужа, который скоро вернётся, — сладко сказала она. — Один день памяти, и он найдёт дорогу.

Неда потянулась к цветам.

Лада обняла её руку.

— Он не вернётся, бабушка.

— Что ты понимаешь?

— Я была с тобой, когда землю бросали. Ты три горсти бросила, а четвертую зажала и домой унесла. Она в синей чашке у печи стоит.

Неда побледнела. В её памяти не было похорон, но где-то дома действительно стояла чашка с кладбищенской землёй. Вещь, которой Лосвий не коснулся, подтверждала Ладины слова.

Неда отвернулась от венка.

Лавка сжалась до ширины щели. Они прошли боком и очутились под низким полотняным навесом. Здесь висели потерянные рукавицы, одиночные серьги, детские башмаки, гребни с волосами и ключи без замков. К каждой вещи была привязана золотая нить. Нити уходили в потолок, переплетались там и спускались к закрытой двери.

— Сколько же их, — прошептала Соня.

— Это только вещи, — сказала Ярина. — Не все открыты.

— Откуда знаешь?

— Открытые зовут тело.

Она показала на Недину руку. Та тянулась лишь к двери. Остальные предметы оставались немymi. Но при виде детского красного башмака Ярина подумала о людях, которые ещё не знали, что какая-то их потеря лежит на ярмарке и ждёт голоса служителя.

На двери не было ручки. Вместо неё в дерево врезали круглую медную чашу. В чаше лежал комок серой пыли.

Соня наклонилась.

— Такая же была на застёжке деревенской книги.

Ярина коснулась пыли кончиком зверобоя. Стебель сразу поседел и рассыпался.

На двери выступила надпись: «Назови утраченное».

— Ножницы, — сказала Лада.

Надпись не изменилась.

— Мионовы ножницы, — сказала Неда неуверенно.

Дверь осталась закрыта.

Ярина поняла ловушку. Ярмарка просила не название вещи. Ей нужна была утрата, которую можно положить на весы.

— Год Неды после смерти мужа, — произнесла Соня.

Медная чаша потемнела. За дверью послышался щелчок ножниц.

— Не называй больше, — остановила её Ярина. — Она не отдаёт этот год. Мы пришли за ним.

— Тогда что отвечать?

Ярина вспомнила старый уговор: просьба принадлежит просящему, цена — только дающему. Ярмарка заставляла человека строить каждую фразу как сделку. Даже у запертой двери нельзя было небрежно назвать чужое утраченным: сказанное превращалось в согласие считать утрату свершившейся.

Она положила расколотую половину мерки на край чаши.

— Утрачено право Лосвия решать за владельцев.

Серая пыль взвилась. Дверь распахнулась внутрь.

За ней не оказалось ни комнаты, ни Лосвия. Ступени уходили вниз, под ярмарочную дорогу. Светлая нить скользила по ним, цепляясь за края. На стенах торчали корни, гладкие от множества ладоней.

Неда остановилась.

— Там земля.

— Да.

— Мирон в земле.

— Мирон — на деревенском погосте. А ножницы внизу.

— Откуда мне знать, что ты не ведёшь меня к нему?

Ярина могла сказать правду: Неда сама учила её отличать корень валерьяны от ядовитого вежа, сама держала свет во время первых ночных родов, сама после смерти Мирона пришла за пустырником и попросила не жалеть горького. Но для Неды всего этого не существовало. Свидетельство Ярины было рассказом незнакомой женщины.

Лада достала из кармана маленький клубок льняной нити.

— Ты дала мне утром, — сказала она бабушке. — Велела пометить дорогу домой, если ярмарка начнёт путать тропы.

Неда потрогала клубок.

На нитке через равные промежутки были завязаны двойные узлы. Неда вязала такие на мешках с разными травами: один узел — листья, два — цветы, три — корни. Лада ещё не умела затягивать их ровно.

— Моя работа, — пробормотала Неда.

— Твоя. Ты собиралась вернуться домой. Значит, вниз за Мироном не шла.

Неда взяла свободный конец и обвязала вокруг запястья внучки.

— Иди впереди. Только не дёргай.

Лестница была длиннее, чем позволяла глубина ярмарочной дороги. После тридцатой ступени воздух стал сырым. После пятидесятой сверху уже не было видно света. Ярина считала повороты и оставляла на корнях крупинки соли, но, оглядываясь, видела их впереди. Тогда перестала метить место и стала вслух перечислять сделанное.

— Мы вошли за ножницами Неды и лошадкой Жданека. Неда идёт сама. Лада держит её за руку. Соня несёт мою сумку. Никто не отдаёт память.

На каждом повторе стены отступали на ладонь.

Внизу застучал молоток.

Они вышли в круглое подземелье. Посреди него рос корень толщиной с мельничный жернов. Его сердцевина была выдолблена, как стол. Лосвий стоял у стола спиной к лестнице. Мироновы ножницы он воткнул в древесину, одну рукоять обвязал золотой нитью, другую — серой. Деревянная лошадка лежала рядом в медном обруче. Перед Лосвием сидел мальчик из Дальних Выселок — тот самый, которого Радомир видел здоровым.

Обе его ноги теперь были одинаковой длины. Но правый сапог стоял вывернутым наружу, будто тело помнило прежнюю походку.

— Руку на игрушку, — велел Лосвий.

Мальчик не послушался.

— Она не моя.

— Здесь твоё исцеление. Если хочешь его сохранить, назови своим всё, что лежит в обруче.

Рядом с мальчиком стоял мужчина в дорогом дорожном кафтане. Наверное, отец. Он держал сына за плечо так крепко, что пальцы побелели.

— Делай, Ратко. Поле уже отдано. Я не позволю, чтобы они забрали твою ногу обратно из-за чужой ссоры.

— Лошадка не моя.

— Скажи два слова.

Ярина ступила с последней ступени.

— И останется вором на весь сохранённый год.

Лосвий не обернулся. Он провёл ногтем по серой нити. Ножницы дрогнули в древесине, Недина рука судорожно сжалась.

— Пришли всё-таки, — сказал мерщик. — Вещь хорошо ведёт тело. Жалко, люди редко слушают руки.

Отец Ратко заслонил сына.

— Не мешайте. Нам обещали закрепить чудо.

— Чем?

— Доплатой ярмарки.

— Годом девятилетнего Жданека. Его украли через эту лошадку.

Мужчина посмотрел на игрушку. Потом на Лосвия.

— Вы сказали, память бесхозная.

— Разрезанная нить не знает хозяина, — ответил тот. — Хозяин должен быть назван заново. Ваш сын помнит цену своей ноги лучше, чем чужой ребёнок помнит прошлую весну.

— Я помню, — сказал Ратко.

Голос у него был тонкий, но не дрогнул.

— Что? — спросил отец.

— Как ходил криво. Как ты нёс меня через ручей. Как мама шила один сапог толще. Если я забуду это, нога всё равно будет моей?

Лосвий взял лошадку и протянул ему.

— Будет ровной.

Ратко спрятал руки за спину.

— А мальчик останется без весны.

Ярина увидела в нём не доказательство силы ярмарки, которым его показывали Радомиру, а испуганного ребёнка, достаточно взрослого, чтобы понять предлагаемую подлость. Взрослые вокруг называли её необходимостью, доплатой и закреплением, потому что прямое слово было слишком тяжёлым.

Отец Ратко разжал пальцы на его плече.

— Нам сказали, поле — полная цена.

— Поле было просьбой, — произнесла Соня. — Чужую память добавили без вашего ведома. Так же хотели вылечить меня.

— Если чудо распадётся, он снова станет хромым.

— Возможно.

— Легко говорить, когда болеешь не ты.

Соня подошла ближе. После спуска её дыхание стало хриплым, на висках выступил пот. Она не скрыла дрожь в коленях.

— Я болею. Поэтому и говорю.

Лосвий резко дёрнул серую нить. Ножницы сомкнулись сами. Неда вскрикнула и схватилась за грудь. Золотая нить между её запястьем и железом натянулась.

— Ещё одно движение, — сказал мерщик, — и вещь забудет её руку. После этого ни ваш старый уговор, ни два десятка свидетелей не докажут, что год принадлежал ей.

Ярина не бросилась к столу. Он ждал именно этого. Между камнями у его ног серебрилась россыпь мелкой соли. Переступив её, она назвала бы себя участницей нового взвешивания.

— Ты не можешь заставить вещь забыть тело, — сказала она.

— Могу заставить ярмарку не слышать.

— Потому украл обе вещи сразу? Одной тебе недостаточно?

Лосвий наконец повернулся. Его лицо было молодым, но у глаз залегли морщины человека, который много лет шурился, измеряя чужое имущество. На поясе висела связка мерных шнуров. Каждый был обрезан на разной длине.

— Лошадка нужна для года, ножницы — для свидетеля. Одной вещью открывают, другой подтверждают. Когда Ратко назовёт лошадку своей, ножницы засвидетельствуют, что прежняя владелица видела передачу.

— Неда ничего не видела.

— Её год видел. Для Корня этого довольно.

Вот почему он выбрал именно эти предметы. Он не просто прятал доказательства. Он собирал из двух краж новую правду: одной вещью назначить владельца, другой подтвердить назначение памятью человека, который отсутствовал в момент сделки.

Ярина достала из-за пазухи берестяной уговор.

— Вещь свидетельствует только дни прикосновения.

— Пока нить цела.

— Разрезанная нить ведёт от года к вещи, — повторила Ярина слова Тихоры. — Не от вещи к кому угодно.

Улыбка Лосвия исчезла.

Ярина продолжила:

— Ты можешь разорвать имя на ярмарочном счёте. Но год всё равно ищет тело, которое его прожило. Поэтому дым бьётся о банку, когда Неда сжимает пальцы. Поэтому Жданек гладит невидимую гриву. Ты не переписываешь память. Ты дронишь её, пока никто не сумеет вернуть целиком.

— Целое — прихоть людей. Корень питается днями.

— Тогда зачем тебе слово Ратко?

Лосвий промолчал.

— Потому что без живого согласия Корень не примет ложного хозяина. Ты можешь украсть вход через вещь. Можешь назвать срок вместо ребёнка. Но чтобы пересадить чужой год, тебе нужен человек, который сам скажет: «Моё».

Ратко отступил ещё на шаг.

— Не скажу.

Отец встал рядом с ним.

— И я не велю.

Лосвий взмахнул рукой. Соляная россыпь поднялась белой стеной. Лада закашлялась, Неда закрыла лицо рукавом. Ярина успела увидеть, как мерщик выдёргивает ножницы из корня.

Звон железа пришёл справа.

Ярина шагнула не на звук, а к Неде. Взяла её правую кисть и вложила между пальцев новый стебель зверобоя.

— Режь цветок.

— Нечем.

— Режь.

Неда сжала пальцы.

В соляном облаке щёлкнуло. Ножницы сами рванулись к её руке. Лосвий удержал одну рукоять, но лезвия повернулись и распорили его рукав. Ярина увидела железный блеск, схватила вторую рукоять и потянула.

Мерщик оказался сильнее. Он перехватил её запястье.

— Вещь идёт к поступку, — сказал он сквозь зубы. — Но поступок можно повторить.

Свободной рукой он выхватил у неё стебель, поднёс к ножницам и попытался срезать цветок.

Лезвия не сомкнулись.

— Не всякий поступок одинаков, — сказала Неда.

Она стояла в двух шагах. Лада поддерживала её под локоть. Старуха смотрела не на Лосвия, а на зверобой.

— Тот цветок клали мёртвому. Этот ты режешь ради кражи.

Она не вспомнила похорон. Но поняла разницу между движением и его смыслом.

Ножницы выскользнули из руки Лосвия. Ярина поймала их, не касаясь лезвий, и сразу вложила рукояти в ладонь Неды.

Светлая нить вошла старухе в запястье. Где-то наверху лопнуло стекло.

Неда пошатнулась. На одно мгновение её лицо стало таким, каким Ярина знала его утром: усталым, насмешливым, упрямым.

— Мирон умер, — сказала она.

Лада заплакала от облегчения.

Но Неда нахмурилась.

— Кто такой Мирон?

Вернулось не воспоминание, а один день, привязанный к ножницам: цветок, могила, движение руки. Остальной год всё ещё оставался в банке.

Лосвий бросился к столу за лошадкой.

Ратко оказался ближе. Он накрыл игрушку ладонью, и медный обруч вспыхнул.

— Не называй своей! — крикнула Ярина.

— Не назову.

Мальчик поднял лошадку за сломанную заднюю ногу. Дерево дёрнулось в его руке, стремясь куда-то вверх.

— Она хочет к Жданеку.

Лосвий схватил Ратко за плечо. Отец ударил мерщика кулаком в висок. Тот отшатнулся, зацепился за серую нить и упал на колено. Все обрезанные шнуры на его поясе разом вытянулись. Их концы ушли в стены подземелья.

За стенами слышались голоса.

Десятки людей говорили одновременно. Кто-то звал мать. Кто-то повторял забытый адрес. Кто-то пел половину колыбельной. Потерянные вещи под навесом наверху отзывались владельцам.

Лосвий полоснул ножом по шнурам.

Ярина наступила на его кисть.

— Оставь.

— Не понимаешь, что делаешь. Если они все потянут память сразу, Корень проснётся до четвёртой звезды.

— Четвёртого удара прежде не было. Это вы его добавили?

Впервые Лосвий испугался.

Не разозлился, не усмехнулся — именно испугался. Он посмотрел на огромный корень в центре подземелья. По древесине прошла глубокая трещина. Из неё дохнуло холодом, пахнущим мокрой землёй и давно закрытым погребом.

— Колокол звонит не для открытия, — сказал мерщик. — Три удара зовут торговцев. Четвёртый считает долг.

— Чей?

Он рванул руку из-под её сапога. Серая нить обвила его локоть, втянула в трещину и потащила к корню. Лосвий успел схватиться за край выдолбленного стола.

— Ничей, — выдохнул он. — Потому самый дорогой.

Древесина сомкнулась вокруг его руки до плеча. Мерщик закричал. Ярина ухватила его за пояс. Соня и отец Ратко помогли тянуть. Корень держал крепко, но отпустил, когда Неда перерезала серую нить своими ножницами.

Лосвий рухнул на пол. Правая рука осталась цела, только кожа от кисти до плеча покрылась тонкими золотыми кольцами.

Он посмотрел на Неду так, будто впервые увидел в ней человека.

— Вы не должны были помнить движение.

— Я и не помнила, — ответила она. — Рука не дура.

Сверху донёсся глухой удар. Не звезда и не дубинка стража. Подземный колокол качнулся где-то совсем близко. Земля осыпалась с потолка.

Ярина забрала лошадку у Ратко и завернула её в чистый платок отдельно от ножниц. Прикосновение чужого мальчика могло стать новым свидетельством, но не правом собственности. Это предстояло назвать у весов точно, без лазейки.

— Как выйти? — спросила Соня.

Лосвий сел, прижимая окольцованную руку к груди.

— По лестнице не успеете. Корень уже сворачивает проход.

— Тогда покажи меру.

— Какую?

— Ту, по которой служитель идёт туда, где она хранится.

Он усмехнулся одними губами.

— Повторяешь слова Тихоры, не понимая их.

— Объясни.

— Мера — то, чего служитель отдал больше всего. Он всегда может вернуться к этому месту. Моя мера у весов.

— Что ты отдал?

Лосвий посмотрел на обрезанные шнуры.

— Имена тех, кого обмерил.

— Не отдал. Забрал.

— Сначала помнил каждое.

В его голосе не было раскаяния. Только усталость человека, который внезапно обнаружил вес собственной пустоты.

Ярина не собиралась оправдывать его потерей памяти. Он знал достаточно, чтобы воровать вещи, дробить годы и подбирать слова. Забытое имя не заставляло руку делать зло; оно лишь позволяло не видеть человека за ценой.

— Вернёшься к весам и назовёшь владельцев вещей, — сказала она.

— Не помню.

— Шнуры помнят.

Она сняла связку с его пояса. Каждый обрезок был помечен узлом, зарубкой или бусиной. Не имена — телесные следы работы. Лосвий мерил не только землю. Он измерял рост, длину шага, обхват запястья, расстояние между пальцами. Всё, что позволяло отличить одно тело от другого, когда рассказ уже украден.

Ярина обвязала самый длинный шнур вокруг корня.

— Веди к своей мере.

Лосвий коснулся узла окольцованной рукой.

Подземелье перевернулось без движения. Стены стали полом, лестница легла набок, а потом всё исчезло.

Ярина упала на доски помоста у весов. Рядом покатались лошадка в платке и связка шнуров. Соня приземлилась на колени, Лада — прямо на Путятин кафтан. Неда осталась стоять, будто всю жизнь переходила из подземелий через мерные узлы.

Лосвий появился последним. Корень выбросил его у ног Тихоры.

У весов царил шум. Банка Неды стояла открытой, по краю шла трещина. Из неё вытекала тонкая золотая нить и соединялась с ножницами в руке старухи. Банка Жданека была цела. Мальчик увидел завёрнутую игрушку и вскочил.

— Моя.

— Не трогай пока, — остановила его Ярина. — Сначала назовём всё, что случилось.

Она развернула платок на пустой чаше весов. Лошадка легла на бок. Жданек провёл пальцем в воздухе над сломанной ногой, не касаясь дерева.

— Я её вырезал, — сказал он. — Нет. Папа вырезал тулово. Я гриву.

Путята зажал рот ладонью.

— Так и было.

— А сломал колесо у печи.

— Ногу, — поправил отец. — Колёс у неё не было.

Жданек нахмурился. Вещь вернула ему один связанный день, но рядом уже вставала ложь мерщика, обещавшего починку. Ярина положила ладонь на стекло его банки. Дым потянулся к игрушке.

— Владелец — Жданек, — сказала она. — Телесный след: мозоль резчика и движение большого пальца по гриве. Вещь: деревянная лошадка, которую он делал с отцом. Свидетели: Путята видел изготовление, Ярина видела, как Лосвий открыл через неё год. Ратко держал вещь после разреза нити, но отказался назвать своей. Его прикосновение не передаёт владения.

— Подтверждаю, — сказал Ратко.

Он стоял у края помоста, опираясь на плечо отца. Правый носок снова начал уходить наружу. Чудо уже слабело, хотя Жданеков год ещё никому не вернули.

Тихора подняла ножницы.

— Для возврата нужно развязать нить движением владельца вещи.

— Жданек не завязывал её, — возразила Ярина.

— Значит, движением, которое вещь помнит лучше кражи.

Жданек прижал большой палец к гриве. Путята взял его руку своей. Вместе они повторили короткое движение резца: от уха деревянной лошадки к холке.

Золотая нить выскользнула из банки и легла на игрушку. Неда поднесла ножницы, но Тихора остановила её.

— Не резать. Разрез уже сделал Лосвий. Теперь соединить.

Старуха повернула ножницы кольцами вниз и пропустила нить сперва через одно, потом через другое. Получилась петля в форме восьмёрки. Тихора коснулась её большим и безымянным пальцами — тем самым движением, которое вспомнила у весов, — и вывернула наизнанку.

Нить исчезла.

Золотой дым ударил Жданеку в грудь. Мальчик отлетел бы, если бы Путята не удержал его. Он закричал — не от боли, а от множества дней, вернувшихся разом. Назвал мать, которая уехала к больной сестре. Вспомнил весеннюю воду у крыльца, ожог на большом пальце, первую ровную стружку. Потом расплакался и спрятал лицо в отцовском кафтане.

Банка опустела.

На помосте стало тихо.

Ярина смотрела на пустое стекло. Возврат был возможен. Не обещанием, не воспоминанием Тихоры, а здесь, перед людьми.

Неда протянула свои ножницы.

— Теперь мой.

Тихора покачала головой.

— Для её года есть тело и вещь. Нужны два свидетеля всего срока, а не одного дня.

— Я видела, как Лосвий забрал память, — сказала Лада.

— Ты свидетель кражи. Ярина — свидетель ножниц утром и лечения. Но год включает смерть Мирона, настой, зиму и нынешнюю весну. Прежде чем соединить нить, надо восстановить границы срока. Иначе вернутся только дни, названные мерщиком, а остальные Корень сочтёт россыпью.

Радость Ярины остыла. Лосвий успел сделать то, ради чего похищал вещи: перерезал границы. Жданеков год удерживала одна игрушка, сделанная в самом начале утраченного срока и бывшая с ним почти ежедневно. Мироновы ножницы знали Неду много лет и не отличали последний год от предыдущих.

— Что задаёт границы? — спросила Соня.

— Первая вещь срока и последняя, — ответила Тихора. — Или человек, который помнит оба края.

Неда глядела на ножницы.

— Первый край — могила, — сказала Лада. — Последний — сегодня утром. Я была рядом оба раза.

— На похоронах ты была ребёнком.

— Но была.

Тихора посмотрела на неё внимательнее.

— Тогда второй свидетель должен подтвердить не рассказ, а перемену между краями.

Ярина вспомнила пустырьник, который назначила Неде после смерти Мирона. Утром старуха знала дозу и спорила, что двадцать капель ей мало. После кражи не узнала траву и едва не выпила лишнее. Сердце сохранило след всего года лечения.

— Второй свидетель — её тело, — сказала Ярина. — Оно помнит настой, даже когда она нет. Пульс, ожог от передозировки, привычка носить лекарство. Но вернуть сейчас опасно. Два года сердцебиения наложатся в одну минуту.

— Память возвращается быстрее крови, — подтвердила Тихора. — Ей нужна постель, тёплая вода и человек, который удержит настоящее, пока прошлое входит.

— Значит, понесём её домой.

— Дом связан с незакрытой просьбой Радомира.

Все посмотрели на него.

Радомир стоял, опираясь о чашу весов. Серый ожог снова светился на шее. Освобождённое место Жданекова года оставило Сонино чудо без части цены, и ярмарка искала новую.

Над помостом зажглась тонкая дуга четвёртой звезды.

Лосвий засмеялся. Смех вышел коротким и больным.

— До неё ещё далеко, — сказал он. — Но долг уже поднял голову.

Ярина спрянула ножницы в соляной мешочек и отдала Неде. Деревянную лошадку вернула Жданеку. Теперь вещи снова были при владельцах, нити возврата найдены, но спокойствия это не принесло.

— Какой долг считает четвёртый колокол? — спросила она Лосвия.

Мерщик посмотрел на Тихору.

Та прижала ладонь ко второму пустому пузырьку. В нём медленно собирался дым — не золотой, а чёрный, с красными искрами.

— Тот, за который некому заплатить, — сказала она. — Чудо, уже совершённое без памяти.

Ратко переступил с ноги на ногу. Правая снова была короче левой на толщину подошвы.

Соня закашлялась и согнулась, прижав руку к боку.

А Радомир, увидев это, потянулся к пустой банке Жданека.

Ярина накрыла банку первой.

— Нет.

— Ей хуже.

— И потому ты снова хочешь назвать чужой год?

— Свой.

Он сказал это спокойно. Золотая метка перескочила с шеи на щеку.

— Мой последний год. Я уже предлагал. Теперь знаю цену.

Ярина посмотрела на Соню. Та выпрямилась с трудом, но успела сказать раньше отца:

— А я всё ещё не согласна.

Четвёртая звезда стала ярче.

До рассвета оставалось достаточно времени, чтобы спасти память Неды.

И слишком мало, чтобы убедить Радомира, что добровольная жертва тоже может быть насилием, если ею покупают чужую жизнь против воли.

Глава 7. Чудо для Сони

Пустая банка под ладонью Радомира звенела, хотя никто её не трогал.

Каждый тихий звон отзывался золотой вспышкой на его щеке. Метка дошла до виска и теперь тянулась к глазу. Ярина знала: если линия замкнётся вокруг головы, ярмарка примет названный год. После этого отговорить Радомира будет уже нельзя — останется лишь возвращать ему прожитое вместе со всем, что чудо успеет сделать с Соней.

— Убери руку, — сказала она.

— Сначала помоги ей.

Соня сидела на краю помоста, согнувшись над больным боком. Кашель прошёл, но дыхание оставалось частым. Между губами выступила тонкая красная полоска.

Радомир увидел кровь.

Банка звякнула громче.

— Это не торг, — сказала Ярина. — Я помогу ей независимо от твоей руки. Но если ты отдашь последний год, забудешь болезнь, её отказ и всё, что узнал сегодня. Проснёшься с уверенностью, что ярмарка спасла дочь честно.

— Зато она проснётся.

— Я не сплю, папа, — выговорила Соня.

— Пока.

Она выпрямилась и вытерла губы рукавом.

— Убери руку сам. Не заставляй меня бороться ещё и с тобой.

Радомир смотрел на неё долго. Потом отнял ладонь. Золотая линия остановилась у края брови, но не погасла.

Ярина передала пустую банку Тихоре.

— Никому не давай её наполнить.

— Пустое стекло охотнее всего принимает названное, — ответила распорядительница.
— Лучше разбить.

— Тогда долг сочтёт цену неоплаченной окончательно.

Тихора коснулась второго пузырька с чёрным дымом.

— Уже считает.

Над ними проступала четвёртая звезда — пока не целиком, лишь дугой, похожей на ноготь. Ярина отвернулась. Сначала живые люди, потом ярмарочный счёт.

Она опустила перед Соней.

— Когда началось?

— Зимой. Сначала уставала на лестнице. Потом заболело под правыми рёбрами.

— Жар?

— По вечерам.

— Озноб, пот ночью, горечь во рту?

Соня отвечала коротко. Радомир дважды пытался добавить, но Ярина останавливала его взглядом. Болезнь принадлежала Соне так же, как память — тому, кто её прожил. Даже заботливый отец мог исказить рассказ, если слишком хотел определённого спасения.

Ярина ощупала шею, послушала дыхание, приложив ухо к спине через тонкую рубаху. Справа внизу воздух входил хуже. Живот был напряжён не в одном месте, а широкой полосой. На голених остались глубокие следы от завязок обуви.

— Ляг.

Соня легла на Путятин кафтан. Ярина подложила ей под колени свёрнутый плащ. Попросила вдохнуть, задержать дыхание, повернуться. В сумке нашлись сушёная мята, кора ивы, чистая ткань, маленькая глиняная кружка, но не было главного — времени.

— Что у неё? — спросил Радомир.

— Несколько признаков сразу. Жидкость задерживается. Справа воспаление или скопление. Кровь могла пойти от кашля, а могла из горла. По одному осмотру точного ответа не дам.

— Ты лечила её три месяца.

— Я видела Соню дважды. В первый раз ты сказал, что она простыла. Во второй принёс её мочу в закрытой тёмной бутылке и не позволил ей дойти самой.

— Ей было тяжело.

— Именно это я должна была увидеть.

Радомир отвернулся. Соня закрыла глаза.

— Я тоже скрывала, — сказала она. — Хотела уехать к тётке после весенней распутицы. Думала, там найду лекаря, а папа не станет продавать дом.

— Почему не сказала мне? — спросила Ярина.

— Ты бы сказала ему.

Это было справедливо. Ещё утром Ярина считала болезнь семейной бедой, а Радомира — ближайшим человеком Сони. Она могла выдать ему чужую тайну из лучших побуждений и назвать это заботой.

— Теперь говори всё, — сказала Ярина. — Не отцу. Мне как травнице.

Соня рассказала о приступах. Первый случился после зимней поездки: кололо в бок, не хватало воздуха, два дня держался жар. Затем стало легче, но слабость осталась. Весной отекали ноги. Неделию назад она кашлянула кровью. Радомиру сказала, что прикусила щёку.

— Почему чудо обещало полное исцеление, если торговцы не знают болезни? — спросила Ярина у Тихоры.

— Корень не называет болезнь. Он возвращает тело к выбранному состоянию.

— К какому?

— Заявитель показывает память о человеке здоровом.

Радомир побледнел.

— Я показал Соню прошлым летом. На сенокосе.

— Значит, чудо не лечит причину, — сказала Ярина. — Оно заставляет тело соответствовать твоему воспоминанию.

— Если она будет здорова, какая разница?

— Твоя память о сенокосе не знает, что происходило внутри неё. Ты помнишь, как она носила снопы и смеялась. Не знаешь, болело ли уже тогда.

Тихора кивнула:

— Чудо исполняет названный образ. Неназванное остаётся.

Радомир отступил от весов.

— Вы сказали: полное исцеление.

— Ты сказал.

— Писарь повторил.

— Писарь записывает просьбу словами просящего.

Злость поднялась в Ярине горячей волной. Ярмарка не лгала прямо. Она позволяла человеку самому придумать обещание, подтверждала его ровно настолько, чтобы сделка состоялась, а потом пряталась за буквальным смыслом.

— Можно выбрать более ранний образ? — спросил Радомир. — Когда ей было десять.

— Тогда тело станет детским? — спросила Соня.

Тихора не ответила.

Молчание оказалось страшнее ответа.

— Никакого чуда, — сказала Соня. — Даже за ничейный год.

Чёрный дым во втором пузырьке дрогнул. Четвёртая звезда потускнела на волос.

Ярина заметила это. Отказ получательницы влиял на долг. Не отменял совершённого, но лишал его опоры.

— Повтори, — попросила она.

— Я не принимаю исцеление, которое меняет меня по чужому воспоминанию. И не принимаю за него ничью память.

Золотой свет сошёл с Сониного лица. До этого Ярина не замечала, что чудо уже держало её: разглаживало кожу, прятало синеву под глазами, позволяло стоять дольше, чем могло больное тело. Свет исчез — и Соня обмякла.

Радомир подхватил её.

— Что ты наделала?

— Вернула себе тело, — прошептала она.

Дыхание стало мелким. Ярина приложила пальцы к шее. Пульс частый, но ровный. Она растёрла Соне ладони, велела не укладывать совсем плоско и попросила Путятю принести тёплой воды без ярмарочных добавок.

— Где здесь обычная вода? — растерялся он.

— В нашем колодце.

— До дома проходы не пустят.

— Дом ещё связан с весами, — сказал Лосвий. — Пока просьба не закрыта, дорога ведёт от цены к предмету сделки.

Ярина посмотрела на золотую метку Радомира.

— Отзови просьбу целиком.

— Тогда ей не предложат другого лечения.

— Здесь не предложили лечения вообще.

— А ты что предложишь? Мятую?

Он произнёс это зло и тут же пожалел. Ярина видела по его лицу. Но не стала облегчать ему стыд.

— Предложу выяснить причину. Уложить Соню так, чтобы ей хватало воздуха. Уменьшить жар и нагрузку. Позвать лекаря, который умеет слушать грудь и выпускать скопившуюся жидкость, если она там есть. Доставить её после рассвета в уездный дом, если дорога проходимая. Это не быстро и не безопасно. Но это будет лечение Сони, а не твоего воспоминания.

— Она может не дожить до рассвета.

— Может. И чудо тоже может убить её, вернув к образу, которого никогда не существовало.

Радомир сел рядом с дочерью. Его плечи опустились.

— Я не умею ждать, когда ты так дышишь.

Соня нашла его руку.

— Научись не вместо меня.

Он закрыл глаза.

— Отзываю просьбу о полном исцелении Сони Вель, — сказал Радомир. — Домом, землёй, памятью и любой иной ценой.

Метка на его лице вспыхнула и потекла обратно к шее. На помосте треснула пустая банка. Она не разбилась, а разделилась на две ровные половины. Четвёртая звезда побледнела, но не исчезла.

— Почему долг остался? — спросила Ярина.

Тихора указала на Ратко. Его отец уже снял с правого сапога толстую накладку и подкладывал её обратно: нога укорачивалась медленно, рывками.

— Потому что есть другие чудеса. И другие украденные цены.

— Значит, это не долг Радомира.

— Теперь нет.

Домой открылась прямая дорога. За весами разошлись две палатки, и между ними показалась Яринина калитка, хотя усадьба стояла на другом конце поля. Путята побежал к колодцу. Радомир поднял Соню, но она застонала от первого же шага.

— Не неси на руках, — сказала Ярина. — Сдавишь грудь. Нужны носилки.

Лосвий молча снял с ближайшего шатра две мерные жерди. Полог рухнул, открыв лавку старых голосов. Ярина разрежала Путятин кафтан и привязала полы к жердям. Отец Ратко отдал свой плащ для второй опоры. Даже писарь, до сих пор державшийся в стороне, принёс ремень.

— Запиши, — сказала ему Ярина.

— Что?

— Чудо отозвано получательницей. Просьба снята заявителем. Дом и память не цена. Запиши так, чтобы утром не возникло другого толкования.

Писарь посмотрел на Тихору. Та кивнула.

Он развернул лист. Перо долго не хотело писать слово «отозвано», царапало бумагу и оставляло золотые кляксы. Тогда Соня положила палец на край листа.

— Моё тело, мой отказ.

Чернила легли чёрно и ровно.

Носилки понесли Радомир и Путята. Ярина шла рядом, считая Сонины вдохи. Лада вела Неда. Тихора позволила им забрать банку Нединой памяти с весов, потому что вещь вернулась владелице, а просьба Радомира больше не удерживала чужой год.

У калитки ярмарочная дорога пересекала грядку. Спасённые кусты зверобоя лежали под влажной тканью. Один, повреждённый плитой, поднял верхушку к ночному свету.

— Сначала в западную комнату, — велела Ярина. — Там прохладнее. Окно открыть, огонь не разводить.

— А Неда? — спросила Лада.

— В восточную. Ей нужна тишина и тепло. Память вернём только после того, как устроим Соню.

Неда остановилась на пороге.

— Я здесь жила?

— Нет, — сказала Лада. — Но бывала каждый день.

— Зачем?

— Спорила с Яриной.

Старуха недоверчиво посмотрела на травницу.

— С ней можно.

— Вот и ты так думала.

Ярина нашла в сундуке чистые простыни, свернула одну валиком и подложила Соне под спину. Вторая стала широкой повязкой вокруг грудной клетки — не тугой, только чтобы при кашле можно было прижать ткань и уменьшить боль. Путята принёс воду. Соня выпила три глотка и отвернулась.

— Больше не надо, — сказала Ярина. — Часто, понемногу.

Она послала Ладу за учительницей Златой и велела передать два поручения: найти телегу с мягким настилом к рассвету и разыскать Савву-лекаря из Прибрежного, если он пришёл на ярмарку. Не обещать платы чудом, не брать с прилавков никаких снадобий.

— А если не придёт?

— Тогда поедет к нему.

Радомир сел на пол у кровати.

— До Прибрежного полдня.

— По сухой дороге. После разлива — дольше.

— Она не выдержит.

— Поэтому ищем его здесь.

Соня открыла глаза.

— У него есть ученик в Сосновой Слободе. Корней. Он приезжал к тётке.

— Почему раньше молчала?

— Потому что Корней сказал: нужен осмотр, потом, возможно, долгая поездка в город.

Папа услышал только «возможно» и пошёл ждать ярмарку.

Радомир уткнулся лбом в край кровати.

— Я думал, у нас нет времени.

— А потратил зиму, — сказала Соня без злости.

Эта фраза ранила его сильнее крика. Ярина отвернулась к окну, давая им несколько мгновений без свидетеля.

На ярмарке звенели лавки. После отзыва просьбы некоторые огни погасли, зато проход «Утраченное» горел ярче. Люди узнали, что Жданек получил год назад. Теперь они шли к хранилищу за своими вещами. Четвёртая звезда собиралась над ними из тонких дуг.

Тихора появилась у калитки с банкой Неды.

— Корень не разрешит унести долг после рассвета, — сказала она. — Если год старухи останется в стекле, он станет россыпью.

— Сколько времени?

— До четвёртой звезды. Потом каждый неназванный день будет принят в общий счёт.

Ярина посмотрела на Неду. Та сидела у печи, перебирая Мироновы ножницы. Лада поставила рядом синюю чашку с кладбищенской землёй. Первый край года был здесь. Последний — утренний пузырьёк с пустырником — стоял в Яринином шкафу.

Все доказательства собрались под одной крышей.

Не хватало только уверенности, что Неда переживёт возвращение.

Соня шевельнулась на кровати.

— Возвращай ей сейчас.

— Тебе нужна моя помощь.

— Мне нужно лежать и дышать. Папа справится с кружкой. А если ты будешь ждать ради меня, её год снова станет моей ценой, только без сделки.

Радомир поднял голову. В его лице что-то переменялось. Он взял кружку, проверил воду губами и сел так, чтобы поддерживать дочь, не сдавливая грудь.

— Иди, — сказал он Ярине. — Я позову, если дыхание изменится.

Она показала, как считать вдохи и где искать пульс. Заставила повторить. Радомир ошибся, начал заново и на второй раз сделал верно.

Обычное лечение начиналось не с редкой травы. С того, что человек признавал: он не знает, и учился нужному действию.

Ярина перешла в восточную комнату. Поставила банку Неды на стол между синей чашкой и пузырьком пустырника. Лада села напротив бабушки. Тихора осталась у двери.

— Назови первый край, — сказала распорядительница.

Лада взяла горсть земли.

— День, когда похоронили Мирона. Бабушка срезала зверобой этими ножницами, положила цветок в могилу и принесла домой четвёртую горсть земли.

В банке появилась тонкая золотая полоса.

— Назови последний.

— Сегодня утром она пришла к Ярине за пустырником. Знала, что Мирон умер. Знала меня. Знала дозу, хоть и спорила.

Вторая полоса охватила стекло у горлышка.

— Подтверди перемену телом, — сказала Тихора.

Ярина взяла Недину руку. Пульс был неровным. Она дала старухе понюхать пустырник.

— Не знаю, — сказала Неда.

Затем пальцы сами отмерили двадцать капель в пустую ложку.

Золотые полосы соединились.

— Когда нить войдёт, держи её в нынешнем дне, — предупредила Тихора. — Не спорь с тем, что она увидит. Называй то, что есть сейчас.

Ярина открыла банку. Неда пропустила золотую нить через кольца ножниц. Тихора вывернула петлю.

Память вошла в старуху без света и грома.

Неда просто перестала дышать.

Лада вскрикнула. Ярина уложила старуху на пол, запрокинула ей голову, проверила рот, прижалась ухом к груди. Сердце билось — редко и тяжело. Воздух не входил.

— Неда, ты в доме Ярины. Сейчас ночь ярмарки. Лада рядом.

Старуха не ответила.

Ярина сделала вдох ей в рот. Грудь поднялась. Второй. На третьем Неда закашлялась и судорожно втянула воздух.

— Мирон! — крикнула она.

— Мирон умер год назад. Ты положила ему зверобой. Сейчас рядом Лада.

— Где он?

— На погосте. Ты дома не одна. Назови, что видишь.

Неда металась глазами.

— Синяя чашка. Ножницы. Ладина коса... короткая. Она обрезала её летом.

— Хорошо. Ещё.

— Твой шкаф. Ты переставила мать-и-мачеху не туда.

— Значит, вернулась.

Неда схватила Ярину за ворот.

— Соня больна. Радомир дурак. Лосвий вор.

— Всё верно.

Сердце ускорилося, но ритм стал ровнее. Ярина дала ей пять капель пустырника, не двадцать. После возвращения года тело заново переживало каждый испуг; привычная доза могла оказаться лишней.

В западной комнате Радомир позвал:

— Ярина!

Она бросилась туда.

Соня сидела, опираясь на стену. У кровати стоял незнакомый худой мужчина с дорожной сумкой. Лада всё-таки нашла не Савву, а его ученика Корнея. Он слушал Сонину грудь деревянной трубкой и хмурился.

— Жидкость справа, — сказал он. — Много. Нужны инструменты учителя. Он на ярмарке у лавки долголетия, спорит с продавцом. Если приведёте, можно облегчить дыхание до дороги.

— Это излечит её? — спросил Радомир.

Корней покачал головой.

— Это даст время выяснить причину.

Радомир посмотрел на дочь.

— Тогда приведу.

Он встал и пошёл к двери без сделки, без метки и без обещания чуда.

Соня проводила его взглядом.

— Впервые за зиму он услышал слово «время» и не решил, что это отказ.

Снаружи ударил колокол.

Не четвёртый раз — пока лишь качнулся, не коснувшись края. Но от его движения по ярмарке прокатилась тень. В проходе вспыхнули семь пустых пузырьков на шее Тихоры.

Первый хранил возвращённое правило. Второй — чёрный долг.

Остальные пять начали медленно наполняться золотым дымом.

Глава 8. Торговцы без прошлого

Пять пузырьков наполнялись не одновременно.

В третьем золотой дым лежал у дна, густой, как мёд. В четвёртом он поднимался рывками. Пятый светился лишь по краю, шестой оставался мутным, а в седьмом мелькали белые искры, похожие на мелкие зубы.

Тихора сняла ожерелье и положила его на стол. Без стеклянного воротника её шея показалась слишком тонкой. Семь светлых полос опоясывали кожу — не следы цепочки, а старые ожоги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.